

ПЕРЗРОНЪ

„ПЕРЕЗВОНЫ“ „PEREZVONY“

Декабрь № 6.

Рига, Редакция и контора L. Kaleju iela 43
Телеф. 20-76 и 34-48

Содержание:

К. Д. Бальмонтъ — Изъ кн. „Въ раздвинутой двери“ „Трилистникъ“.
М. Цвѣтская — „Глаза.“
Отъ редакціи — „К. Д. Бальмонтъ“ (къ юбилею).
А. Ремизовъ — Чертогъ Твой (изъ книги „Плетешокъ“).
А. Черный — „Кошачья санаторія“.
Проф. Н. И. Мишевъ — „В. М. Васнецовъ“.
Н. Аннъ — „Къ отъѣзду Е. Н. Рошиной-Ицаровой“.

Репродукціи карт. В. М. Васнецова изъ книгъ двѣ въ краскахъ: „Три богатыря“ и „Эскизъ къ декор. оперы „Снѣгурочка“.

Дѣтскій уголокъ („Пѣснь о вѣшемъ Олегѣ“ — съ репродукціями иллюстрацій В. М. Васнецова). По бѣлу свѣту. Изъ области науки, открытій и изобрѣтеній.

Цѣна отдѣльн. номера 80 сантим. (40 руб.)
Заграницей 20 амер. цент.

Сотрудники:

М. А. Алдановъ, К. Д. Бальмонтъ, И. А. Бунинъ,
Ю. Галантъ, О. Даламатова, А. Даманская, Донъ-Аминьадо, Бор. Зайцевъ (ред. литер. отдѣла), А. И. Купринъ, Вл. Лодыженскій, Ив. Лукашъ, С. Минд-ловъ, проф. Н. И. Мишевъ, Мих. Осоргинъ,
А. М. Ремизовъ, Н. А. Тэффи, А. Черный,
Евг. Н. Чириковъ, Марина Цвѣтская, И. Шмелевъ,
Сем. Юшкевичъ. Художники: акад. Н. П. Богдановъ-Бѣльскій, акад. С. А. Виноградовъ, Ю. Г. Рыков-скій и др. Обложка — работы М. Добужинскаго.

Выставка картинъ Акад. С. А. Виноградова

Состоится съ 13 с. декабря по
10-е января 1926 г. въ салонѣ
при маг. В. Романовскаго.

Valdemara ielā 17.

Телефонъ 46-70.

Всѣ твердятъ наперебой:
Хорошо печетъ Алой!

Спеціальная фабрика баранокъ

Бол. Московская ул. 14-16, тел. 83-06.

Безусловно
И внѣ сомнѣній, въ
БИ-БА-БО
Аппетитны
Бульонъ, чай и
Особенно кофе.

БИ-БА-БО, влад. Э. ФРЕЙМАНЪ,
Бульв. Свободы 2/4, тел. 81-78, до 2 ч. ночи.

Единственный въ Ригѣ teatrs. **RADIO** Café

бульв. Свободы № 24

Сегодня и ежедневно
на сценѣ и въ публикѣ обширная и разнообразная
программа
въ 2 больш. отд. Начало прогр. въ 8½ час. вѣч.

Оригинальная новость. Танцовщицы Радио-балета, тан-
цующая въ публикѣ модн. танцы, приглашаютъ кавалеровъ.

Radio-концерты съ 7 час. вечера.

Обувь

Прочная

Элегантн.

для мужчинъ - дамъ - дѣтей

Фабричные склады:

Рига: { Гертрудинская ул. 14
Сарайная ул. 3
ул. Свободы 64/66

Либавъ: Зерновая ул. 33
Виндзавъ: Замковая ул. 24
Двинскъ: Рижская ул. 9

На выставкѣ въ Либавѣ 1925 г. — золотая медаль

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ
Е Ж Е Г О Д Н И К

ВСЕСЛАВЯНСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

„ПЛАМЯ“ на 1926 г.

Составили: И. Ежен, Ф. Мансветов, В. Озерцовский, И. Яновлев.

ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ УЧАСТИИ:

Н. Алексеева. — З. Ашкинази. — А. Бобровского. — П. Бутенко. — Н. Вакар. — Проф. В. Водовозова. — М. Гехтера. — Н. Епифанова. — Н. Исцеленова. — Н. Кнорринга. — В. Кудрявцева. — Ф. Махина. — Проф. В. Мякотина. — В. Немировича-Данченко. — Проф. А. Поспишила. — Д. Позднякова. — А. Пешехонова. — Проф. Степанова. — Проф. В. Стратонова. — М. Слонима. — В. Сухомлина. — С. Тюрин. — И. Тутышкина. — А. Фовицкого. — А. Цвикиевича. — Проф. М. Циммермана. — Проф. А. Эйхенвальда и др.

СОДЕРЖАНИЕ:

Календарь солнца. — Календарь планет на 1926 год. — Календарь периодических комет и роев метеоров. — Календарь луны на 1926 год. — Земля. — О жизни на соседних мирах. — Месяцесловы: православный нов. и стар. стили, католический, протестантский, магометанский, еврейский. — Алфавитный список святых. — Общий отдел. — Союз Советских Социалистических Республик (СССР) а) Границы и административное разделение, б) Государственное устройство; Государственный бюджет Советской России. — Эстония. — Латвия. — Литва. — Польша. — Бессарабия. — Королевство Сербия-Хорватия-Словенское. — Болгария. — Чехословакия. Подкарпатская Русь. Чехословацкая эмиграция в России. Русские в Чехословакии. — Р. в Германии. — Р. во Франции. — Р. в Бельгии. — Р. в Англии. — Р. в Италии. — Р. в Швейцарии. — Наши вдалеках. — Русские в Африке. — Р. на Филиппинах. — Р. на Аляске. — Р. в Китае. — Р. в Корее. — Русские и др. слав. народности в С. Америке. — Зарубежная Украина. — Единицы измерения. — Объявления. — Проценты и векселя. — Православный календарь старого стили.

„PLAMJA“ Praha II. Jecná 32, Tchécoslovaquie.

Цена 50 ам. центов с перес. / Первое и второе издания распроданы.

Т. П. Зельтынь, Рига

ИВАНОВСКАЯ УЛИЦА № 5

Телеф. 20-82. Почт. ящ. 856

предлагаетъ

ТИПО-ЛИТОГРАФИЯМЪ, ЦИНКОГРАФИЯМЪ,
ПЕРЕПЛЕТНЫМЪ, ГАЛЬВАНОПЛАСТИЧНЫМЪ,
СТЕРЕОТИПНЫМЪ И ПРОЧ. ЗАВЕДЕНИЯМЪ
ВСѢ НЕОБХОДИМЫЯ МАШИНЫ И ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

отъ наилучшихъ фирмъ.

Братья Поповы

Основ. въ 1788 г.

Рига, бл. Гръшная ул. 35

Телефоны:

Контора — 25-61

Складъ — 43-16

Стальн. отд. — 92-57, 52-92

Желѣзн. отд. — 29-65, 65-28

Варшавскія кровати съ
пружин. матрацами
фабрики „Конрадъ Ярниш-
кевичъ и Ко.“

Аллюминіевыя кухон-
ныя принадлежности.

Столовыя принадлежн.
фабрики „Артуръ Круппъ“

Большой выборъ
плитъ и чугуновъ печей.

Садоводство

Питомники.

„ВАРИНО“

И. Добровольскаго въ Ригѣ.

Jelgavas šosejā 78. Тел. 58-19.

Богатый выборъ различныхъ сортовъ хорошихъ, крѣпкихъ,
плодовыхъ деревьевъ, кустовъ, розъ, цвѣтовъ, луко-
вицъ, гіацинтовъ, тюльпановъ, нарцисовъ.

*Здѣсь можно также получить
лучшія сѣмена овощей.*

Сообщеніе трамваемъ № 7 и автобусомъ Торенсбергъ — бул. Свободы
— линія Почты. Остановка автобусовъ у садоводства.

Въ Ригѣ вышла въ свѣтъ въ издательствѣ Акціонернаго О-ва Печатнаго Дѣла „САЛАМАНДРА“ новая большая русская національно-демократическая газета подъ главнымъ редактированіемъ Ивана Лукаша

Слово

Въ „Словѣ“ участвуютъ писатели:

М. Арцыбашевъ,	А. Купринъ,
А. Амфитеатровъ,	С. Кречетовъ,
С. Алмазовъ,	Ив. Лукашъ,
В. Амфитеатровъ-	Б. Неандеръ,
Кадашевъ,	Вл. Сиринъ,
акад. Ив. Бунинъ,	Ал. Ремизовъ,
Н. Бережанскій,	Ив. Шмелевъ,
В. Бурцевъ,	В. Шульгинъ,
Б. Зайцевъ,	А. Черный и др.
П. Красновъ,	

Въ „Словѣ“ участв. общественные дѣятели и ученые:

проф. А. А. Ильинъ,	проф. А. Пилленко,
проф. А. В. Карташевъ,	А. С. Хрипуновъ,
кн. А. П. Ливень,	Жанъ-Лармеру
еп. Тихонъ Берлинскій,	и др.
мит. Платонъ Американскій.	

Приглашены къ участию въ „Словѣ“ русскіе — депутаты Сейма Латвіи.

Приглашены къ участию въ „СЛОВЪ“ представители Латвійской общественности и литературы.

„Слово“ — выходитъ по образцу большихъ Западно-европейскихъ газетъ.

„Слово“ — кромѣ самой широкой информации и образцоваго литературнаго отдѣла, будетъ газетой съ богатымъ экономическимъ матеріаломъ и провинціальнымъ отдѣломъ.

„Слово“ — отводитъ особое вниманіе Латгаліи, земельному вопросу въ Латвіи и русскому учительству.

„Слово“ — даетъ самыя подробныя свѣдѣнія о положеніи въ Сов. Россіи.

Собственные корреспонденты „Слова“:

Въ Лондонѣ	— Аріадна Тыркова.
Въ Парижѣ	— А. А. Борманъ.
Въ Нью-Йоркѣ	— М. И. Печковскій.
Въ Берлинѣ	— Н. Лидарцева,
	С. Лоскій.
Въ Римѣ	— В. С.
Въ Прагѣ	— В. Амфитеатровъ-
	Кадашевъ и Боми.
Въ Варшавѣ	— Н. Съдовъ.
Въ Копенгагенѣ	— Л. Т.
Въ Женевѣ	— А. Л.
Въ Балканскихъ	проф. В. Х. Даватцъ
государствахъ	и Н. З. Рыбинскій.

„Слово“ — имѣетъ наиболѣе полную и широкую информацию о культурной и экономической жизни меньшинствъ въ прибалтійскихъ государствахъ и въ Польшѣ.

„Слово“ — отводитъ особое мѣсто спорту.

„Слово“ — будетъ иллюстрировать фотографіями и рисунками событія мѣстной и международной жизни и даетъ полную утреннюю и вечернюю информацию за 24 часа.

Редакція „СЛОВА“ помѣщается по Бл. Кузнечной 43,
типографія Акц. Общ. Печатн. Дѣла „Саламандра“.

Пріемъ объявленій въ „СЛОВЪ“ открытъ — въ конторѣ, Б. Кузнечная 43.

ПЕРЕЗВОНЫ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 2 1925 6

"Перезвонки" — Русскому голосу,
неизданным в России,
(Мур., Владимирской губ. 1885. — Париж 1925). К. Гальмон.

ИЗЪ КНИГИ „ВЪ РАЗДВИНУТОЙ ДАЛИ“.

ВЪ БЕЗКРАЙНОМЪ.

Опрокинулось зеркало ночи надъ расплеснутымъ зеркаломъ воднымъ,
Проплываетъ ладья Новолунья, довременный ковчегъ бытія,
Проплываютъ алмазныя числа, а въ безкрайномъ, путемъ мореходнымъ,
Проплываетъ, свой парусъ вскрывивши, и моя древорыба ладья.

Тамъ, въ высокомъ, морское свѣченъе, тамъ приливы размѣровъ не нашихъ,
Здѣсь сверкнетъ и погаснетъ Египетъ, тамъ звѣзда лишь сверкнула къ звѣздѣ,
Но люблю я цвѣточныя мысли въ однодневныхъ раскрывшихся чашахъ,
И люблю я, слѣдовъ не роняя, проплывать по глубокой водѣ.

СВИТОКЪ.

Двѣ капли росы въ пріоткрывшемся кубкѣ
Багрянаго мака въ зеленомъ саду.
На лугѣ былинки, и зыбки, и хрупки,
Не спать—не проснутся въ росистомъ бреду.

Испили. Довольно. Растаялъ избытокъ.
А дымка сложила ряды ступеней.
И въ синемъ распутанъ бѣлѣющій свитокъ,
А въ свиткѣ былина гремучихъ огней.

ВОЛНА.

Волна всегда одна отъ вѣка и донинѣ.
Она была такой — тому сто тысячъ лѣтъ.
Въ ней атомъ съ атомомъ, слагая обликъ синій,
Спаявъ зеленый ликъ, — все тотъ же взмахъ
и свѣтъ.

Вся соразмѣрная, изгибъ ведетъ къ изгибу.
Въ ней нѣтъ сомнѣннаго. Волна себѣ вѣрна.
Граниты распылитъ. И взманетъ кверху рыбу
Для чайки кличущей, что вѣчно голодна.

К. Бальмонтъ.

ТРИЛИСТНИКЪ.

Сохою — о землю.
Душою — о Вѣчность.
Въ мгновеніи — жатва.

Пропляши одну мнѣ пляску.
У меня есть въ сердцѣ скрипка.
А смычкомъ намъ будетъ счастье.

Зеркало въ зеркало.
Снѣгъ овеснившійся
Въ чашечкахъ ландыша.

Солнцемъ цвѣтокъ золотился.
Солнце Лунѣ уступило.
Бѣлый стоитъ одуванчикъ.

Мѣрно колебля купавы,
Лебедь въ прудѣ проплываетъ,
Бѣлый подъ бѣлой Луной.

Пчела жужжала.
Минута пѣла.
Какъ сладокъ медъ.

Предъ иконой затепливъ свѣчу,
Я въ молитвѣ смущенной душою
Различаю жужжаніе пчелъ.

Я спрашивалъ вѣтра: —
Откуда ты, вѣтеръ?
Онъ бросилъ въ лицо мнѣ цвѣтокъ.

Отъ копыта до копыта
Перебросъ не двухъ мельканій,
А пробѣгъ въ седьмую степь.

Солнце съ Луною не въ Небѣ.
Все безграничное небо
Въ сердцѣ раскрывшемся міру.

Дождь — росинки, отъ травинокъ
Воспарившія, чтобъ небо
Пало влагою къ землѣ.

Двѣсти верстъ я по Сибири
Черезъ лѣсъ горящій ѣхалъ,
А возникъ пожаръ изъ искры.

Ночью, какъ вѣжды сомкнуты,
Въ двухъ, мнѣ дарованныхъ, солнцахъ
Млечную вижу дорогу.

К. Бальмонтъ.

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

(Къ сорокалѣтнему юбилею литературной дѣятельности).

24 ноября 7 декабря 1885 г. въ журналѣ „Живописное Обозрѣніе“ появились три стихотворенія К. Д. Бальмонта — начался долгій и славный литературный путь, сорокалѣтіе котораго мы отмѣчаемъ.

Сорокъ лѣтъ въ литературѣ вообще не мало. Сорокъ лѣтъ крупнаго поэта, рѣзкую борозду проведшаго, совсѣмъ много.

Напоминаемъ нѣкоторыя черты жизни и творчества Бальмонта.

Дѣтство его — деревенское, во Владимірской губ. Ранняя любовь къ стихамъ — ребенкомъ увлекается онъ Никитинымъ, народными пѣснями, Пушкинымъ, Лермонтовымъ, Фетомъ (Фета признаетъ главнѣйшимъ своимъ учителемъ — „во внутреннемъ строеніи стиха“, Баратынскаго — во внѣшнемъ строеніи). Съ 16-ти лѣтъ знакомство съ иностранной литературой. Бальмонтъ изучаетъ нѣмецкій и шведскій языки, — увлекается Ленау, Гейне Гёте.

Учится въ гимназіи въ Шуѣ (до 84 г., когда его исключаютъ за участіе въ револ. кружкѣ). Попадаетъ въ Моск. Ун-тъ на юридич. факульт. (1886 г.), какъ многіе въ то время, занимается тамъ политической экономіей! Переходитъ въ Демидовскій лицей. Оставляетъ его, вновь переселяется въ Москву. Въ 1890 г. выпускаетъ въ Ярославлѣ сборникъ стиховъ. Уже по первому стихотворенію виденъ будущій Бальмонтъ, но это еще ученичество. Да и школьно онъ въ эти годы какъ разъ много учится — въ Москвѣ подъ руководствомъ проф. Стороженики изучаетъ всемірную литературу. Зачитывается Ибсеномъ. Начинаетъ долгій трудъ перевода всего Шелли (съ 1891 по 1907 г.). Первая „опредѣляющая“ книга его стиховъ „Подъ сѣвернымъ небомъ“ — юный, но уже „отвѣтственный“, „вмѣняемый“ Бальмонтъ, принимающій хвалу и укоръ, — выходитъ съ 1893 — 94 г. Въ 1895 г. — „Въ безбрежности“, той-же полосы.

Въ 1896 г. К. Д. уѣзжаетъ въ первое путешествіе — увлеченіе живописью — посѣщеніе Англіи, Голландіи, Італіи, Испаніи, поселяется въ Парижѣ. Занимается исторіей религій и языками (итальянск., испанск., норвежск., англійск.). Въ 1898 г. выпускаетъ „Тишину“, а въ 1900 и 1902 г.г. — „Горящія зданія“ и „Будемъ какъ солнце“. Послѣднія двѣ книги — его „рѣшительный“ періодъ. Здѣсь Бальмонтъ уже во взросломъ, яркомъ и блестящемъ опереніи, музыка и ритмъ — полны, это моментъ, когда въ упоеніи силами и даромъ онъ пишетъ извѣстныя горделивыя строки („Я медлительность русской изысканной рѣчи...“). Начи-

нается слава, съ разными колебаніями сопровождающая его на всемъ пути. Къ этой полосѣ можно отнести „Литургію Красоты“ (космическ. гимны), „Только любовь“, „Фейныя сказки“.

Въ 1905 г. подъ угрозой ареста (послѣ моск. возстанія) Бальмонтъ уѣзжаетъ въ Парижъ, гдѣ и проводитъ семь лѣтъ. Жизнь здѣсь не менѣе ярка, чѣмъ и поэзія: за это время Бальмонтъ побывалъ въ Норвегіи, Испаніи, Італіи, жилъ годъ въ Бельгіи, посѣтилъ Египетъ, гдѣ занимался подъ руководствомъ Масперо въ Каирѣ египтологіей. Въ 1912 г. путешествіе вокругъ свѣта: Южн. Афр., Австралія, Полинезія, (Самоа, Тонга, Маори), Ява, Индія, Цейлонъ. За это время написалъ книги стиховъ: „Злая чары“, „Зеленый вертоградъ“ (очень важныя для оцѣнки и характеристики Бальмонта книги), „Птицы въ воздухѣ“, „Жаръ птица“, „Хороводъ временъ“. Въ маѣ 1913 г. литературная Москва горячо и торжественно встрѣчаетъ Бальмонта, случайнаго изгнанника, вольнолюбиваго, но ужъ никакъ не „политическаго“ человека.

Ко времени войны относятся „Зарево зорь“, „Ясень“, „Бѣлый зодчій“. Въ самую трудную, и трагическую минуту революціи (около 1920 г.) все же выходитъ томъ его стихотвореній: „Перстень“, но тутъ Бальмонтъ не выдерживаетъ. Автора гимновъ стихіямъ, женщинѣ и любви нельзя засадить ни въ какую клѣтку, и нельзя заставить кланяться палачамъ. Въ 1920 г., въ маѣ мѣсяцѣ Бальмонтъ, послѣ героической зимы, прошедшей въ борьбѣ за себя и семью, послѣ мѣшковой мерзлой картошки, которую таскалъ на себѣ — уѣхалъ за границу дѣлать изгнанничество цвѣта русской литературы. Въ немъ эта литература, многострадальная, но несущая давній талисманъ свободолубія (отъ Пушкина переходящій къ современникамъ „железный перстень“ русскаго поэта) — сказала еще разъ „нѣтъ“ насилію.

Въ эмиграціи Бальмонтъ такъ-же дѣятеленъ, полонъ творчества и труда, какъ былъ всегда. Образъ Бальмонта есть образъ художческаго „дѣланія“. На послѣднемъ Судѣ не скажетъ онъ: „я лѣнился“. На чужбинѣ вышли книги стихотвореній: „Даръ землѣ“, „Мое—ей“, „Воздушный путь“ (разс.), романъ „Подъ новымъ серпомъ“ и сборникъ статей „Гдѣ мой домъ“. Послѣдняя книга стиховъ „Въ раздвинутой дали“ — еще не издана.

Ко всему указанному надо прибавить прозу Бальмонта, раннюю и позднюю: „Горныя вершины“, „Бѣлыя зарницы“, „Морское свѣченіе“,

(статьи), „Змѣнные цвѣты“ (о Мексикѣ), „Край Озириса“ (о Египтѣ), „Поэтъ какъ волшебство“ и переводы: 5 том. Эдгара По, Кальдеронъ, Словацкій, Касперовичъ, весь Шелли, Гаспари, Горнъ, Калидаса, Асвагоша, Руставели... — не менѣе п я т н а д ц а т и томовъ переводовъ.

Мы нарочно довольно подробно выписываемъ эти названія книгъ, чтобы нагляднѣй показать, что путь даже такого, казалось-бы, самопроизвольнаго и самовоспламеняющагося поэта какъ Бальмонтъ — есть путь не только „праздной“ пѣсни, но и упорнаго труда, осуществленія задачъ. Бальмонтъ далъ себѣ зарокъ перевести всего Шелли — и перевелъ, отдавъ на это (съ перерывами) ч е т ы р а д ц а т ь лѣтъ.

Подробно, полно описать Бальмонта, какъ художника — не наша задача. Но главнѣйшее сказать нужно. По содержанію: Бальмонтъ поэтъ космоса и стихій — свѣта, огня, воз-

духа, всего природнаго въ пантеистическомъ воспріятіи. Религія его многообразна: Упанишадъ и мексиканское солнцепоклонство, Евангеліе отъ Іоанна и парсизмъ, Калидаса и „Книга мертвыхъ Египта“. По устремленію: главнѣйшее, къ женственному, женщинѣ и любви — какъ и должно быть у космическаго поэта. По основной чертѣ художества: это музыка, пронзающая, насыщающая и облегчающая его созданія въ мѣрѣ исключительной. По мѣсту въ д в и ж е н і и русской литературы — Бальмонта справедливо считаютъ главой русскаго символизма XX-го столѣтія.

Въ „желѣзный“ и „жестокій“ вѣкъ, въ вѣкъ потоптанія искусства и поэзіи, нашему журналу особенно пріятно вспомнить о сорокалѣтнемъ творческомъ пути блестящаго поэта, привѣтствовать его, пожелать ему силъ и порыва въ будущемъ.

Р е д а к ц і я.

Н. И. МИШЕЕВЪ.

В. М. ВАСНЕЦОВЪ.

I.

„Я всегда только Русью и жилъ... Какъ я сталъ изъ жанриста историкомъ, нѣсколько на фантастическій ладъ, на это отвѣтить точно не съумѣю. Знаю только, что во времена самага яркаго увлеченія жанромъ, въ академическія времена, въ Петербургѣ, меня не покидали неясныя историческія и сказочныя грезы... Противоположенія жанра и исторіи въ душѣ моей никогда не было, а стало-быть и перелома, или какой-либо переходной борьбы во мнѣ не происходило. Нѣкоторыя изъ картинъ послѣдующаго періода, московскаго, были задуманы мною еще въ петербургскій періодъ, напримеръ, „Поле побоища“ изъ „Слова о полку Игоревѣ“, „Витязь на распутьи“, „Богатыри“... Я всегда былъ убѣжденъ, что въ жанровыхъ и историческихъ картинахъ, статуяхъ и вообще какихъ бы то ни было произведеніяхъ искусства, — въ сказкѣ, пѣснѣ, былинѣ, драмѣ, — сказывается весь цѣльный обликъ народа, внутренній и внѣшній, съ прошлымъ и настоящимъ, а, можетъ быть, и будущимъ. Только больной и плохой человѣкъ не помнитъ и не цѣнитъ

своего дѣтства, юности. Плохъ тотъ народъ, который не помнитъ и не цѣнитъ, не любитъ своей исторіи... Мы тогда только внесемъ свою лепту въ сокровищницу всемірнаго искусства, когда всѣ силы свои устремимъ на развитіе своего роднаго искусства, т. е. когда, съ возможнымъ для насъ совершенствомъ и полнотой, изобразимъ и выразимъ красоту, мощь и смыслъ нашихъ родныхъ образовъ — нашей русской природы и человѣка, нашей настоящей жизни, нашего прошлаго... наши грезы, мечты, нашу вѣру, и съумѣемъ въ своемъ истинно-національномъ отразить вѣчное, непреходящее“...

Приводя эти слова В. М. Васнецова, его біографъ В. В. Стасовъ, говоритъ: „у него все находится въ полнѣйшей гармоніи и послѣдовательности, какъ у человѣка, замѣчательнаго въ своей цѣльности“.

II.

В. М. Васнецовъ.

Съ работы Крамского.

Помнится, что извѣстный публицистъ Меньшиковъ писалъ: „крѣпость, устойчивость духа въ Россіи можно найти только въ крестьянахъ, сельскомъ духовенствѣ и помѣщи-

В. М. Васнедовъ.

„Богоматерь“.

кахъ, сидящихъ на своей землѣ. Земля, къ которой они всѣ близки, спасаетъ ихъ отъ душевной разболтанности, чѣмъ характеризуется такъ городская интеллигенція“.

Викторъ Михайловичъ Васнецовъ родился въ 1848 г. въ селѣ Рябовскомъ, Вятской губерніи, въ семьѣ сельскаго священника.

Итакъ, поля и лѣса родной земли, крестьяне съ ихъ тяжелымъ упорнымъ трудомъ... Жизнь въ семьѣ, полной религіознаго настроенія и вліяніе отца, сердечнаго, умнаго, проникнутаго вѣрой, который, по словамъ самого художника, прогуливаясь съ своими дѣтьми по полямъ, въ звѣздныя августовскія ночи вливалъ въ ихъ душу живое и неистребимое представленіе о дѣйствительно существѣ Богѣ... Деревенскій бытъ глухой деревни съ ея праздниками, пѣснями и сказками, которыя впечатлительный ребенокъ слушалъ въ темныя зимніе вечера при вспыхивающемъ и потрескивающемъ свѣтѣ лучины... вотъ та обстановка, среди которой прошло дѣтство будущаго художника, оставившее такіе слѣды въ его душѣ, которыхъ не смогла стереть вся дальнѣйшая жизнь. Завѣтамъ своего дѣтства онъ оставался вѣренъ и въ духовной семинаріи, и въ Академіи художествъ, и во Франціи, гдѣ онъ не увлекся подражаніемъ иностранцамъ и жилъ, на примѣръ, не въ Парижѣ, а вблизи него, въ деревнѣ, поселившись у крестьянина. Онъ близко сошелся съ нимъ и его семьей, полюбилъ эту семью и „часто мнѣ говаривалъ, — передаетъ проф. П. О. Ковалевскій, — что мужикъ вездѣ мужикъ, и между русскимъ, на примѣръ, мужикомъ и французскимъ менѣе разницы, нежели у насъ между мужикомъ и образованнымъ человѣкомъ“.

По возвращеніи изъ заграницы В. М. Васнецовъ поселяется въ Москвѣ (въ концѣ семидесятыхъ годовъ). Завершается его періодъ петербургскій и начинается — московскій. Онъ разстается съ жанромъ и переходитъ въ область былины и сказокъ.

80-ые годы — это самое блестящее время дѣятельности В. Васнецова. Здѣсь именно выявляется то его „лицо“, которое связано у насъ съ представленіемъ объ этомъ художникѣ. Открываются эти годы картиной „Послѣ побоища“, (см. „Перезвоны“ № 2), мало, однако, оцѣненной тогдашней критикой, что возмутило Рѣпина, отозвавшагося на эту критику слѣдующими словами: — „Для меня — это необыкновенно замѣчательная, новая и глубоко-поэтическая вещь. Такихъ еще не бывало въ русской школѣ. Если наша художественная критика такіа дѣйствительно художественныя вещи проходитъ молчаніемъ, — я скажу ей, что она варваръ, мнѣнне котораго для меня болѣе неинтересно“...

Въ эти года В. Васнецовъ пишетъ для Историческаго Музея фрески изъ жизни первобытнаго человѣка, рядъ картинъ на темы изъ сказочнаго и былиннаго эпоса, декораціи къ оперѣ „Снѣгурочка“ и, наконецъ, берется за роспись Владимірскаго Собора въ Кіевѣ. Работалъ онъ здѣсь 10 лѣтъ, и росписано имъ въ этомъ Соборѣ 4000 квадратныхъ аршинъ, конечно съ

помощниками. Нѣкоторыя вещи необычайно грандіозны. Довольно сказать, что запрестольный образъ Богоматери имѣетъ 12½ аршинъ въ высоту. Поѣздка въ Италію, изученіе имъ византійской живописи предшествовали колоссальной работѣ нашего художника въ Владимірскомъ Соборѣ.

III.

„Съ квартиры на квартиру“, „Военная телеграмма“ и „Балаганы въ Парижѣ“ — дань увлеченія В. Васнецова жанромъ.

Трогательный сюжетъ первой картины — бѣдная чиновничья пара съ тощимъ узелкомъ, пробирающаяся чрезъ Неву на какую-то квартиру, пара, согнутая тяжкопрожитой жизнью... Группа разношерстной публики у военной телеграммы, гдѣ каждый по своему переживаетъ полученное извѣстіе... Это передвижничество съ преобладаніемъ сюжета надъ живописью, но отмѣченное яркою печатью большого художника, мастера рисунка, взявшаго отъ Академіи все лучшее, что она могла дать. Въ „Балаганахъ“ мы видимъ уже иное: здѣсь В. Васнецовъ отдалъ большую дань живописи, задумавъ воспроизвести вечерній свѣтъ и тона воздуха вечера, въ которомъ тонутъ персонажи картины. Рисунокъ здѣсь, такъ сказать, нѣсколько „импрессионаленъ“, однако, стремленіе художника быть почти детально вѣрнымъ въ характеристикѣ типовъ и образовъ говорятъ объ его исключительномъ реализмѣ, чѣмъ вызываютъ у насъ представленіе о томъ же передвижниществѣ, которое мы отмѣтили и въ первыхъ его двухъ картинахъ. Любопытно, что разность „національнаго духа“ въ этихъ его произведеніяхъ, какъ будто обусловила собой приемы и технику самого ихъ письма. Черта, лишній разъ подтверждающая большой талантъ творца ихъ. Я не говорю, что, на примѣръ, „Съ квартиры на квартиру“ нельзя было бы написать приемами „Балагановъ“, но это было бы, въ данномъ случаѣ, убійственно для картины. Она потеряла бы свой специфически русскій характеръ. Знаю, что со мной можно спорить, но какая-то правда чувствуется мнѣ въ моемъ замѣчаніи.

IV.

„Алѣнушка“, „Иванъ Царевичъ и сѣрый волкъ“, „Три богатыря“, „Витязь на распутьи“ — произведенія, всѣмъ извѣстныя, очень популярныя и неотдѣлимые отъ личности В. Васнецова. Онъ первый изъ русскихъ художниковъ обратился къ мотивамъ русскихъ сказокъ и былины. Дѣтскія впечатлѣнія, грезы, любовь къ русской старинѣ и „дѣтству русской мысли и чувства“ неодолимо потянули къ себѣ, захотѣвъ жизни въ опредѣленныхъ образахъ. Художникъ далъ имъ эту жизнь. Картины имѣли громадный успѣхъ. Передъ обществомъ русскимъ открылась область новыхъ переживаній, близкихъ каждому русскому, по воспоминаніямъ дѣтства, и, одновременно, далѣкихъ, забытыхъ среди впечатлѣній и сутолоки жизни взрослою уже человѣка. Эти произведенія очень нравились. Отъ

В. М. Васнецовъ,

„Преддверіе рая (фрагментъ)“.

нихъ шли лучи того солнца, которое вызывало къ жизни національное чувство. Становилось вдругъ яснымъ, что отъ этого чувства избавиться нельзя, а главное, и не слѣдуетъ избавляться, ибо собственное духовное развитіе обусловлено, главнымъ образомъ, культомъ такого чувства.

Вы, конечно, помните эту милую сказку: „Сестрица Алёнушка и братецъ Иванушка“.

Художникъ показалъ намъ нѣжный, тихій, смиренный образъ героини сказки, обвинянный безконечной любовью, жалостью къ братцу. Какъ она безпомощна! Какъ одинокая былинка въ полѣ... Какъ загнанный звѣрекъ... Вокругъ нея лѣсъ. У ногъ вода. Но кажется, что вода ластится у ногъ Алёнушки, утѣшая и раздѣляя ея скорбь, а лѣсъ стоитъ кругомъ на стражѣ. Какой-то гармоніей проникнута вся картина. Ничего лишняго и все для центрального лица — Алёнушки.

А кто въ дѣтствѣ своемъ не восхищался Иваномъ Царевичемъ, этимъ національнымъ героемъ русской сказки, храбрымъ, великодушнымъ, мужественнымъ и въ то же время свѣтлымъ, какъ солнце ясное! Не даромъ такъ старался для него сѣрый волкъ.

Но растетъ русскій ребенокъ, и „сказка складка“, которая „полна ложью, какъ поле рожью“, замѣняется „пѣснью-былью“, откуда „слова не выкинешь“, ибо, по глубокому убѣжденію народа, въ былинѣ поется о томъ, что когда-то дѣйствительно было.

И вотъ, вмѣсто Ивана Царевича, „выѣзжаютъ теперь три могучихъ богатыря“, выѣзжаютъ не на потѣху а на дѣло первостепенной государственной важности: охранять землю свято-русскую.

Подъ славнымъ городомъ, подъ Кіевомъ,
На тѣхъ стѣнахъ на Цыцарскіихъ,
Стояла застава богатырская:
На заставѣ атаманъ былъ Илья Муромецъ,
Подъ — атаманъ былъ Добрыня Никитичъ,
Ясаулъ Алеша, поповскій сынъ.

Представители всѣхъ главныхъ сословій: крестьянскаго, служилого-дворянскаго и духовенства.

Илья Муромецъ, „матерой старый казакъ“, грузный, „силушки непомѣрной“, какъ крестьянская земля, породившая его. „Конь подъ нимъ, какъ лютый звѣрь“, такой же силы, какъ и сѣдокъ на немъ. Добрыня-Никитичъ, бояринъ. Онъ отличается „вѣжествомъ“, благородствомъ, учтивостью. И конь у него бѣлый, отважный, благородной крови съ раздувшимися ноздрями. Алеша лукавъ, хитеръ, „вдумчивъ“. Онъ „гдѣ не силой, тамъ выдумкой беретъ“. Одинъ глазъ у него всегда „въ сторону“ глядитъ. И лошадь его похожа на хозяина. Сначала „вынюхаетъ“ дорогу, а потомъ пойдетъ по ней.

Какъ живые, вышедшіе изъ „были“, встаютъ эти три богатыря на знаменитой картинѣ В. Васнецова. Смотрите на нихъ, и духомъ величавой былины повѣсть на васъ. Вы поймете тогда, что чрезъ такую „зоркую богатырскую заставу“ „никому, ни конному, ни пѣшему, проѣзда нѣтъ на землю святорусскую“. На рѣдкость постигъ здѣсь художникъ духъ русской былины!

Не менѣе „пахнетъ Русью“ и на картинѣ „Витязь на распутьи“. Выѣхавъ онъ „на подвиги ратные“, на защиту „вдовъ, сиротъ и малыхъ дѣтушекъ“ отъ разныхъ „нахвальщиковъ“. Камень на дорогѣ съ зловѣщей надписью: „Какъ прямо ѣхати, живу не бывати: нѣтъ пути ни проѣзжему, ни прохожему, ни пролетному“. Задумался витязь. Кругомъ степь безъ конца. Кости мертвыхъ. Воронье. Не безпокойтесь! Былинный богатырь поѣдетъ только „дорогой прямоѣзжею!“ Подобно „Алёнушкѣ“, удивительна эта картина по единству настроенія всей окружающей природы, обстановки съ обликомъ самого витязя.

По характеру содержанія своего, примыкаетъ къ этому циклу картинъ В. Васнецова его декорация къ оперѣ „Снѣгурочка“.

У Тургенева въ разсказѣ „Касьянъ съ Красивой Мечи“ герой разсказа, плохенькій по си-

ламъ и слабый на крестьянскую работу мужичекъ говоритъ: „Много крестьянъ нашихъ въ лаптяхъ ходятъ, по міру бродятъ, правды ищутъ... такой страны, гдѣ живетъ птица Гамаюнъ сладкогласная, и съ деревъ листь ни зимой, ни осенью не осыпается, и яблоки растутъ золотыя на серебряныхъ вѣткахъ, и живетъ всякъ чело-вѣкъ въ довольствѣ и справедливости...“

Мечту объ этой дивной странѣ народъ русскій давно уже лелѣетъ въ своихъ сказкахъ. Островскій въ „Снѣгурочкѣ“ такъ описалъ ее.

„Веселы грады въ странѣ Берендѣевой
Радостны пѣсни по рощамъ и доламъ
Миромъ красна Берендѣя держава.
Слава, слава блюстителю мира въ роды родовъ!“

В. Васнецовъ первый далъ декораціи на сценѣ древне-русского стиля, принявъ участіе въ постановкѣ „Снѣгурочки“ и первый далъ возможность, чрезъ свое искусство, подышать воздухомъ „страны — грѣзы“ русской сказки. Не даромъ съ постановки „Снѣгурочки“ (1885 г.) начинается воскрешеніе древне-русского стиля въ декоративномъ искусствѣ.

Заканчивая эту область васнецовскаго творчества, нельзя пройти молчаніемъ его картину „Сиринъ и Алконостъ, пѣсни радости и печали“, а также знаменитыя фрески въ Историческомъ музеѣ.

„Пиръ каменнаго вѣка“, одна изъ фресокъ Историческаго Музея, посвященныхъ изображенію жизни первобытныхъ людей, показываетъ всю необычайную мощь и широту таланта В. Васнецова. Она великолѣпна по краскамъ, по своей композиціи, такой „простой въ своей сложности“, по приѣмамъ и манерѣ письма, говорящихъ, какъ близокъ нашъ художникъ къ „чистой живописи“. Она, если хотите, гениальна по своей проникновенности бытомъ и психикой первобытнаго чело-вѣка. Художнику точно было видѣніе, и онъ мгновенно его зафиксировалъ. Кто видѣлъ фрески на ту же тему Кормона въ Сентъ-Жерменскомъ Музеѣ, тому ясно будетъ, насколько В. Васнецовъ выше своего современника. Персонажи на картинахъ Кормона, хотя и прославлены, но они мертвы, надуманы, сочинены. У В. Васнецова — наоборотъ!

Для чело-вѣка каменнаго вѣка все въ ѣдѣ, ибо она даетъ жизнь. Восторгъ, опьяненіе, экстазъ поэтому овладѣваютъ имъ, когда онъ въ поискахъ ѣды, т. е. жизни, находитъ эту ѣду. Соберите во едино наши восторги предъ величайшими подвигами морали, открытіями науки, шедеврами искусства!.. Призовите на помощь и религіозное чувство. Представьте себѣ, что суммой всего этого у первобытнаго чело-вѣка былъ восторгъ предъ пищей. Каково же должно быть выраженіе этого восторга! В. Васнецовъ показалъ. Безумные танцы, правильнѣе, пляска, крики, „оръ“ со всѣхъ сторонъ, упоенныхъ ѣдой лица, искривленныя жадностью тѣла, напряженныя страстнымъ порывомъ процесса обжорства фигуры стариковъ, дѣтей, женщинъ, звѣреподобныхъ мужчинъ... Все это движется,

шумитъ, реветъ и творитъ пиръ оргіинаго характера... Какой нуженъ талантъ, чтобы все это увидѣть и изобразить! Здѣсь талантъ соприкасается уже съ гениемъ...

V.

„Я, какъ православный и искренне вѣрующій русскій, не могъ, хоть копеечную свѣчку не поставить Господу Богу. Можетъ быть, свѣчка и изъ грубаго воска, но поставлена отъ души. Въ православной церкви мы родились, въ православной, дай Богъ, и помереть“.

Съ такимъ настроеніемъ приступилъ В. Васнецовъ къ росписи Владимірскаго Собора въ Кіевѣ.

Всей Россіи извѣстна эта роспись. Послѣ нея имя Васнецова было у всѣхъ на устахъ. Талантъ художника проявился здѣсь во всемъ блескѣ.

Нѣтъ возможности въ журнальной статьѣ дать подробный обзоръ того, что сдѣлалъ Васнецовъ на стѣнахъ Владимірскаго Собора. Остановимся поэтому только на нѣкоторыхъ его работахъ, главнѣйшихъ, по нашему мнѣнію. И, конечно, на первомъ мѣстѣ надо поставить Богоматерь*).

Лицо, преисполненное грусти и сознанія взятой на Себя великой миссіи. „Я все знаю, — говоритъ оно, — знаю, что „мечъ пройдетъ Мое сердце“... Это знаніе не можетъ Меня не сдѣлать печальной, но Я покорна волѣ Избравшаго Меня, а потому иду и несу для міра самое дорогое, безцѣнное Мое Сокровище, Моего Сына. Безграничная любовь Бога-Отца къ людямъ объяла пламенемъ и Мое сердце. Люблю Сына, повинуюсь Господу, люблю и чело-вѣка“...

Мы точно слышимъ эти слова, всматриваясь въ ликъ Богоматери, прижимающей къ Своему сердцу Сына, какъ бы не желающей разстаться съ Нимъ, но все-таки идущей и несущей „Овча на закланіе“.

Чудесенъ Св. Младенецъ. Въ Немъ есть нѣчто отъ Младенца Сикстинской Мадонны. Та же серьезность, тѣ же всевидящіе и всезнающіе глаза. Это необыкновенный ребенокъ. Уже и теперь чувствуется въ Немъ: „Азъ и Отецъ едино есмы“. Вотъ почему Онъ благословляетъ, какъ Имѣющій на то право, данное Ему отъ вѣчности, но благословеніе Его проникнуто такой любовью къ тѣмъ, кого Онъ благословляетъ, что понимаешь, почему Предвѣчный сынъ воплотился. „Богъ любви есть“. Можно-ли найти у чело-вѣчества мысль, болѣе высокую?..

Молитвеннымъ экстазомъ, порывомъ, которому нѣтъ конца и границъ, несказаннымъ устремленіемъ сердца, трепещущей отъ восторга мыслью, что, наконецъ-то станешь лицомъ къ лицу съ Бо-омъ, Который есть Любовь, соприкоснешься Этой Любви, замрешь въ непрестанномъ словословіи и будешь самъ горѣть вѣчной любовью... всѣмъ этимъ озарено „Преддверіе Рая“.

*) Репродукція Запрестольнаго образа Богоматери будетъ дана въ Рождественскомъ №. Воспроизведенный же образъ Богоматери (изъ частнаго собранія) по содержанію очень близокъ — Запрестольному.

Н. М. ВАСНЕЦОВЪ.

ТРИ БОГАТЫРИ.

Отблескомъ мистики, однако, не чуждой реального, ибо что можетъ быть реальнѣ безграничнаго горя, освѣщена „Плещаница“.

Величїемъ трагедїи Небесныхъ Силъ и Самого Предвѣчнаго, трагедїи, которая предопредѣлена была въ Его мысляхъ еще до сотворенїя міра, обвѣяно произведеніе „Богоотецъ“. Хочется въ глубокомъ молчанїи опустить здѣсь глаза.

Что сказать о древнихъ пророкахъ, царяхъ іудейскихъ, русскихъ отшельникахъ - пустынникахъ, преподобныхъ, св. Ольгѣ, св. Владимірѣ и мн. др.? Всѣ они тамъ типичны по своей народности, такъ вѣрны эпохѣ. Поразительна св. Ольга, грозная воительница, безжалостная мстительница за Игоря, загорѣвшаяся пламенемъ Христовой вѣры!..

А, какое чудо васнецовскїй орнаментъ, разсыпанный съ невѣроятнымъ богатствомъ по стѣнамъ Владимірскаго Собора! Это сплошное царство красоты, гдѣ дары фантастическаго Востока, пышной Византіи, сказочной Руси соединились, сплелись между собой, чтобы создать невиданную гамму красокъ, несказанное великолѣпіе, поразительную линїю, которая „лейтъ-мотивомъ“ поетъ громкую пѣснь во славу русскаго искусства!..

VI.

Критика обвиняетъ В. Васнецова въ томъ, что овѣянные сказочной дымкой, почти неуловимые, какъ видѣнія, образы русской сказки и былинны онъ воплотилъ реалистически, какъ героевъ своихъ бытовыхъ картинъ.

Говорить такъ — это значитъ совершенно не понимать духа русской народной сказки и тѣмъ болѣе былинны. Дѣло въ томъ, что онѣ, несмотря на всю свою сказочность, въ основѣ своей совершенно чужды той романтической фантастики, которой такъ характеризуется Западно-европейскїй эпосъ. Въ нихъ мы можемъ отмѣтить всѣ тѣ черты художественнаго реализма, который составляетъ особенность и лучшихъ произведенїй русской литературы въ противовѣсъ — западной. Не мѣсто сейчасъ подвергать подробному анализу и вмѣстѣ съ тѣмъ доказательствамъ подобное замѣчаніе. Правдивость его должна прежде всего „восчувствоваться“ настоящимъ русскимъ. Но въ такомъ случаѣ реалистическїй походъ В. Васнецова къ сказочнымъ и былиннымъ образомъ былъ необходимъ, какъ отвѣчающій духу русскаго народнаго эпоса.

Что касается религіозной живописи В. Васнецова, то здѣсь надо признать, что она скорѣй живопись, чѣмъ иконопись. Иконный образъ есть прежде всего символъ съ печатью „потусторонняго міра“. Этотъ образъ затѣмъ долженъ быть разъ навсегда твердый, непоколебимый, неизмѣнный, вѣчный. Онъ долженъ не столько тѣшить наши глаза, сколько возносить душу... Шедевры древней русской иконописи, лишь сравнительно недавно увидѣвшїе свѣтъ, являются въ этомъ отношенїи наилучшимъ примѣромъ. Вотъ почему В. Васнецовъ, у котораго есть нѣсколько различныхъ образовъ Богоматери, Христа, не можетъ быть названъ иконописцемъ, но только „религіознымъ живописцемъ“, произведенїя котораго полны великаго религіознаго настроенїя, вызываютъ и у насъ это настроенїе, однако они не икона. Это сказано „не въ судъ и не въ осужденїе“ нашему замѣчательному художнику, нѣтъ, — это лишь говоритъ о безмѣрной трудности создать „иконный образъ“.

Но то, что сдѣлано В. Васнецовымъ въ области религіозно-церковной живописи, чуть-ли не сверхъестественно! Онъ первый рѣзко порвалъ съ „церковной итальянщиной“, первый проникъ къ сокровищницѣ русскаго духа, первый внесъ въ официальное, слишкомъ церковное православїе, живую струю истиннаго религіознаго чувства, нисколько, однако, не порвавшего съ традиціями „древляго благочестїя“. Ничего, если онъ въ своей религіозной живописи не выявилъ всей сущности послѣдняго. Это удѣлъ и задача, можетъ быть, цѣлаго грядущаго поколѣнїя художниковъ. Но зато В. Васнецовъ „открылъ дверь“ въ область „древляго благочестїя“ во всей его широтѣ, необычайной мощи и красотѣ, проникнутой благородствомъ. Мы знаемъ, какъ многіе художники, ученые, писатели устремились въ эту дверь, какъ прилежно занялись они изученїемъ тѣхъ „богатствъ“, которыя предстали тамъ ихъ изумленнымъ глазамъ, и какъ были плодотворны результаты „новой науки“.

Великій художникъ, какимъ мы считаемъ В. Васнецова, оглянувшись назадъ, можетъ съ гордостью, хотя она ему такъ не къ лицу, сказать, что не даромъ онъ жилъ, работалъ, не покладая рукъ, преумножая талантъ, данный ему свыше...

Н. И. Мишевъ.

В. М. Васнецовъ. „Вел. кн. Ольга“.

В. М. Васнецовъ.

„Сиринъ и Алконостъ, пѣсни радости и печали“.

А. РЕМИЗОВЪ.

ЧЕРТОГЪ ТВОЙ. ИЗЪ КНИГИ „ПЛЕТЕШОКЪ“. С М Ъ Х Ъ.

Въ міру жить суетно: отъ мірскаго мятежа не отгребешься, отъ лукаваго шатанія не удержишься. И тамъ согрѣшишь и тутъ нагрѣшишь, а потомъ изволь расплачиваться — и въ этомъ вѣкъ и въ будущемъ.

Нѣтъ, совсѣмъ уйти отъ міра —
„какъ хотите, такъ и живите, Богъ съ вами!“

И въ тишинѣ быть — во спасеніи.

*

Два старца такъ и сдѣлали: старецъ Асафъ и старецъ Меркурій.

Въ послѣдній разъ потолкались старцы по базару, подвязали себѣ по котомкѣ, запаслись сухариками, да и съ Богомъ — въ пустыню.

О, моя пустыня — прекрасная!
Твоя тихость безмолвная,
Твои палаты лѣсвольныя —
Спасеніе мое,
Мудрость,
И благодать.

И въ пустынѣ поселились старцы отдѣльно — каждый въ своей избушкѣ. И лишь въ недѣлю разъ ходили другъ къ другу — „духовной ради бесѣды“.

А жилъ при старцѣ Асафѣ отрокъ: забрель мальчишка въ пустыню, попался на глаза старцу, старецъ его у себя и оставилъ жить — при себѣ въ работѣ.

А былъ этотъ отрокъ Вареоломей и тихъ и кротокъ и ясенъ —

сложитъ такъ руки, стоитъ у березокъ и все словно улыбается!

Старцы отрока очень полюбили и былъ онъ имъ въ утѣшеніе, какъ дитѣ несмышлёное.

*

Въ міру жить трудно, суетно.

А въ пустынѣ — пустынно: тамъ находитъ уныніе и тоска, тамъ свое есть — сѣрое горе!

Безъ отрока старцамъ куда тамъ прожить было въ пустынѣ!

Тихъ и кротокъ и ясенъ, примется онъ за рукодѣлье, поетъ псалмы и такъ красно-жить весело:

О, моя пустыня — прекрасная!
Твоя тихость безмолвная,
Твои палаты лѣсвольныя —
Спасеніе мое,
Мудрость,
И благодать.

На недѣль сошлись старцы въ избушкѣ у

Асафа вечерокъ провести и по обычаю начали разговоръ о божественномъ.

Разговорились-то о божественномъ, да стали примѣры приводить и не замѣтили, перешли къ дѣламъ житейскимъ: какъ когда-то въ міру жили. Ударились въ воспоминанія и, тача языкомъ, впали въ празднословіе и скотомысліе.

Слово за слово, поспорили —

старецъ Асафъ обличаетъ Меркурія,

старецъ Меркурій коритъ Асафа.

— Ты, Асафа, начальникъ блудничный, хля медвѣжья!

— А ты, Мерка, запалитель содомскій, кислядь!

И пошло —

зачесались руки, да вскоча, другъ другу въ бороды и вцѣпились.

Долго ль до грѣха, еще малость и разодрались бы до кровобоя.

Да старецъ Асафъ спохватился — Асафъ какъ „болѣе сознательный элементъ“ и потише будетъ Меркурія! — Асафъ пришелъ въ чувство первый: выпустилъ изъ рукъ Меркуріеву бороду, да къ образамъ — покаянные поклоны класть.

Тутъ и Меркурій опаматовался и тоже принялся за поклоны.

И покаялись старцы, помянувъ грѣхъ согрѣшенія своего, и оба отреклись отъ словъ

праздныхъ и непотребныхъ, и, прося другъ у друга прощеніе, прослезились.

— Прости меня, Меркуръ, не хотѣлъ я тебя обидѣть!

— Богъ проститъ, Асафъ, меня прости за дерзновение!

И такъ это мирно и хорошо стало, хотъ опять за божественное берись, начинай философскую бесѣду, да отрокъ Вареоломей — онъ, бывши со старцами въ избушкѣ, сидѣлъ тихо, въ разговоръ не встрѣвался и даже во время боя ни разу голоса не подалъ! — а тутъ его словно прѣрвало: такъ со смѣха и покатилося.

Взбѣвало старцевъ:

„Какъ же такъ — дѣло Божье, каются, а онъ знай глотку дерѣть!“

И бросили старцы каяться, взяли за отрока.

И такъ его щуняли, что не только что пересталъ смѣяться — куда ужъ, до смѣху ль! — но и совсѣмъ притихъ, въ уголокъ забился, не пикнетъ.

Видятъ старцы, что поучили: усрамился мальчишка. Да и жалко: вѣдь какой былъ утѣшный —

сложить такъ руки, стоитъ у березокъ и все словно улыбается! не нагладишься.

В. М. Васнецовъ.

„Плещаница.“

В. М. Васнецовъ.

„Богоотецъ“.

Покликали старцы ласково, приманили его къ себѣ сухарикомъ и стали допрашивать:

— Чего ты смѣялся безстыдно?

— Съ чего это на тебя такая дурь напала?

— А я такое видѣлъ! — отвѣчалъ отрокъ.

И разсказалъ старцамъ, какое онъ видѣлъ, и отчего смѣялся.

...
Когда старцы вели философскую бесѣду о божественномъ — „о законѣ Господни, о проповѣди апостольской, о подвигахъ отеческихъ“ — видѣлъ отрокъ двухъ ангеловъ:

— ангелы тайно на правое ухо нашептывали старцамъ!

Когда же старцы повели разговоръ о житейскомъ, ангелы оставили избушку и въ избушку вошли бѣсы — два поджарыхъ бѣса:

— одинъ бѣсъ одному старцу, другой бѣсъ другому старцу тайно на лѣвое ухо принялись свое нашептывать — сами шепчутъ, сами на блок-нотахъ старцеву болтовню записывать; и исписавъ блок-нотъ, взяли на себѣ писать:

— и не осталось и свободного мѣстечка на ихъ вонючемъ бѣсовскомъ мясищѣ, все сплошь съ рога и до хвоста и съ хвоста до кончика было у бѣсовъ мелко исписано стоячимъ почеркомъ!

Но тутъ старцы въ разумъ пришли, стали каяться и отрекаться отъ праздныхъ словъ и побоя:

— и загорѣлись тогда у бѣсовъ блок-ноты — и все записанное сгорѣло!

А когда старцы простили другъ друга — пошелъ пламень палить — слова, разговоры записанные жечь на вонючемъ бѣсовскомъ мясищѣ — и запрыгали бѣсы, заскакали фокстротомъ по избушкѣ, и такъ скакали и такія рожицы корчили, нѣтъ, невозможно было не расхохотаться!

Вотъ отчего онъ расхохотался!

...
Ой, чудно какъ плясали! сказалъ отрокъ. И стоялъ передъ старцами, какъ стоялъ у березокъ, такъ сложивъ руки, и словно улыбался, тихъ и кротокъ и ясенъ.

И былъ духъ Господень на немъ.

—

КРѢПКАЯ ДУША.

Во время службы вошла женщина въ глубокомъ траурѣ.

Съ плачемъ она молилась:

— Оставилъ меня, Господи, помилуй мя, милосердый!

И отъ ея крика и вопля и слезъ старецъ пересталъ молиться и, ближе вглядываясь въ плачущую, самъ растрогался сердцемъ:

„Вдова, должно быть, трудно живется“.

И дождавшись, когда кончится служба, позволилъ сопровождавшаго ее арапа:

— Скажи своей госпожѣ, — сказалъ старецъ, — есть у меня къ ней тайное слово.

Арапъ передалъ — и она подошла къ старцу.

И старецъ сказалъ ей все, что подумалъ о ней —

— О бѣдѣ, какъ отъ людей она терпитъ!

— Ничего подобнаго! ты и не представляешь себѣ, что у меня за горе.

— Какое же твое горе?

— Я отверженная Богомъ — съ плачемъ воскликнула она, — вотъ ужъ сколько лѣтъ, счастье и удача не покидаетъ нашъ домъ, я никогда не болѣла — ни я, ни мой мужъ, ни мои дѣти, и даже курамъ и козамъ моимъ ничего не вредило. И думаю я, за мой грѣхъ Богъ отвратился отъ меня, и потому плачу и прошу: пусть посѣтитъ меня по своей милости.

И старецъ, дивясь ея крѣпкой душѣ, помолился за нее, готовую принять какую-угодно бѣду.

Алексѣй Ремизовъ.

В. М. Васнецовъ.

Стѣнопись во Владимірскомъ Соборѣ въ Кіевѣ.

В. М. Васнецовъ.

„Пирь каменнаго вѣка“.

А. ЧЕРНЫЙ.

КОШАЧЬЯ САНАТОРІЯ.

(Окончаніе).

Вверху загудѣлъ автомобиль. Какая-то старая миссъ Нелли перегнулась надъ перилами надъ самой головой Бэппо и, сверкая на солнцѣ бѣлымъ зубами, желтыми локонами и лиловой вуалью, засюсюкала . . .

Бэппо не понималъ по англійски, но отдѣльные слова онъ разобралъ, молодая миссъ Нелли не разъ ихъ повторяла, когда онъ еще котенкомъ зарывалъ носъ, въ ея шелковыя колѣни:

— Кисочки. Ахъ, ты Боже мой, какая кисочка. Кисочка кушать хочетъ? Цыпинька. Иди сюда, дурачекъ . . .

Бэппо поймалъ на лету ароматную куриную лапу, хищно вонзилъ въ нее зубы и когти и, грубо повернувшись къ англичанкѣ спиной, припалъ къ травѣ и заурчалъ. Хвостъ вправо, хвостъ влѣво, хвостъ вверхъ, хвостъ внизъ . . .

— Ослиная челюсть! — свирѣпо проворчалъ Бэппо.

Относились ли эти невѣжливыя слова къ старой и жесткой куриной лапѣ или къ самой англичанкѣ — неизвѣстно. Англичанка — бы ихъ на свой счетъ не приняла, а намъ и подавно все равно.

Бэппо нехотя обѣлъ лоскутокъ кожи у самыхъ куриныхъ когтей и поднялъ голову. Автомобиль уѣхалъ. Солнце нажарило темя. Въ сторонѣ подъ кустомъ ежевики компанія пушистыхъ толстяковъ вела въ тѣни мирную бесѣду,

зѣвая, потягиваясь и лѣниво поглядывая на пролетавшихъ подъ носомъ жирныхъ голубей.

Бэппо густо наслюнилъ лапу, нафабрилъ жесткіе усы и, смахнувъ съ подбородка крошки, направился къ бесѣдовавшимъ.

— А, синьоръ Бэппо . . . — вѣжливо кивнула ему головой полосатая, черная съ бѣлымъ, кошечка. — Все еще хандрите? —

— Хандрю.

— И все худѣете?

— Худѣю. И, извините, — горжусь этимъ. А вы вотъ умрете отъ ожирѣнія сердца . . .

Бэппо дерзко уставился на кошечку, но она, точно его и не было на форумѣ, посмотрѣла вверхъ на сосѣднюю крышу, потомъ на облако, потомъ на колонну Траяна и, ни къ кому не обращаясь, задумчиво сказала:

— Собственно, невѣжъ, нахаловъ и вообще всякихъ подозрительныхъ котовъ, не принадлежащихъ къ приличному обществу, надо было бы бросать въ какое-нибудь другое мѣсто . . . ну хоть въ воду . . . Какъ это люди не разбираются въ такихъ простыхъ вещахъ.

— А вы замѣтили, — нарушая тягостную паузу, сказалъ бѣлый, пушистый, словно пушокъ для пудры, котъ . . . — Вы замѣтили, у насъ завелись здѣсь полевые мыши.

— Полевые? — переспросила желтобурая

молодая кошка, пріоткрывъ лѣвый глазъ. — Какъ-же, знаю:

— Коричневая шубки, брюшко посвѣтлѣ... Уморительныя. Когда я жила на виллѣ Торлонія, — съ гордостью протянула она, — тамъ у насъ ихъ было невыносимо много... Садовникъ нашъ все бывало бранился: онѣ ему какія-то гадости натворили въ оранжереѣ. И все на меня ворчалъ... Не буду-же я какихъ-то полевыхъ мышей ловить. Фи. Я, — которую кормили каждый день сливками и голубиными крылышками...

— Что-жъ вы тамъ не остались на вашей виллѣ? — ехидно спросилъ Бэппо.

Желтобурая кошка продѣлала тотъ-же маневръ, что и полосатая: посмотрѣла на крышу, на облако, на колонну и сказала въ пространство:

— У насъ тамъ былъ котъ... Держали его изъ милости при кухнѣ. Ни въ паркѣ, ни въ комнаты его не пускали... Въ комнатахъ жила я, попугай Зако и одна дѣвочка, моя подруга. Такъ вотъ однажды, когда этотъ кухонный обормотъ пробрался въ комнаты и сталъ вмѣшиваться въ наши разговоры, сталъ точить о кушетку свои грязные когти, тыкать морду въ чужое пирожное, — мы возмутились и подняли крикъ... Прибѣжалъ бульдогъ (у насъ былъ бульдогъ) и далъ коту урокъ вѣжливости. Бульдоги это умѣютъ... — протянула мечтательно кошка.

Сосѣди ея вздрогнули.

— Я тоже умѣю, — хрипло мяукнулъ Бэппо и поднялъ штопоромъ хвостъ. — Ого! — И если-бы ты не была дамой, дрянной кошкой изъ породы комнатныхъ болонокъ, — я бы изъ тебя, всѣхъ твоихъ блохъ вытряхнулъ... Несчастная!

— Предсѣдатель... Синьоръ Бэппо опять пристаегъ! Мяу!.. — заорала обиженная кошка. — Уберите его куда-нибудь.

Бэппо не сталъ дожидаться и, скользнувъ въ траву, какъ змѣя, исчезъ за обломкомъ колонны. Фу, какой долгій день! Онъ злобно прыгнулъ на ящерицу, грѣвшуюся на камнѣ, промахнулся и медленно направился къ кучѣ мусора, у которой валялся старый, обрюзгшій котъ Неро, единственный котъ, съ которымъ стоило здѣсь разговаривать.

— Ну-что, старикъ, какъ поживаете? — спросилъ Бэппо, вѣжливо ткнувшись носомъ въ облѣзлое ухо стараго кота.

— Грѣю пузо, — лѣниво отвѣтилъ котъ. — Какъ тутъ поживать? Набилъ животъ, какъ барабанъ, лапы вытянулъ и грѣйся. А ты все злишься?

Бэппо сердито фыркнулъ.

— Чѣмъ тебѣ тутъ плохо? — мурлыкнулъ Неро. — Мало тебя въ городѣ за усы дергали, ногами пинали, голодомъ морили... Это ты другимъ рассказывай про разныхъ миссъ Нелли, которыя тебя куриной печенкой кормили... Знаю я эти печенки.

В. М. Васнецовъ.

„Съ квартиры на квартиру“.

В. М. Васнецовъ.

„Военная телеграмма“.

— Кормила . . . — угрюмо вздохнулъ Бэппо, поглядывая на высокія гладкія стѣны форума. Старый котъ насмѣшливо повелъ усами.

— А вы гдѣ жили раньше? — спросилъ Бэппо.

— Въ Кампаньи. Не слыхалъ? Ну какой ты римскій котъ послѣ этого . . . Кампанья это тамъ, — котъ махнулъ лапой, — за городомъ, куда новые дома еще не успѣли добраться. Камыши, ящерицы, рѣченка поетъ, цикады трещать, жаворонки надъ полями заливаются . . .

— Вкусные? — спросилъ задумчиво Бэппо.

— Ничего . . . Подъ смоковницей на землѣ одного притиснулъ. Жирненькій былъ . . . Да. А вдали такія высокія штуки — утромъ синія, днемъ голубыя, а къ вечеру оранжевыя . . . Горы называются.

— Вкусныя? — снова спросилъ Бэппо.

— Фу, какой ты необразованный котъ. Кто же горы ѣсть?! Горы это камень да земля, насыпано, насыпано, насыпано . . . Этажей двадцать, думаю. Кто, говоришь, насыпалъ? Ужъ, право, не знаю . . .

— Ну, вы видно тоже не изъ очень образованныхъ . . . — ядовито усмѣхнулся Бэппо.

— Не знаю, врать не буду. Это, я думаю, и не каждый кардиналъ знаетъ . . . Домикъ нашъ стоялъ у самой рѣченки вблизи моста. Весело: проѣзжая дорога, то старикъ на ослѣ проѣдетъ съ виноградомъ (какой вкусъ они въ

этомъ виноградѣ находятъ, не понимаю!), то женщина съ овечьимъ творогомъ на головѣ (вотъ это вкусно!), то автомобиль съ сѣренькими солдатами пропылитъ. Домикъ нашъ старый, какъ черепаха столѣтняя . . . Весь въ трещинахъ, крылечко на бокъ, плиты такъ и расползлись . . . Передъ домомъ орѣхъ, толстый, какъ быкъ, лапы во всѣ стороны — хорошо. А на крышѣ въ черепицѣ окошечко съ полочкой . . . Тамъ голуби жили.

— Вкусные?

— Не знаю . . . Хозяинъ высмотрѣлъ однажды, какъ я къ нимъ подбираюсь. Снялъ съ гвоздя кнутъ и далъ мнѣ его понюхать . . . Я ихъ въ покоѣ и оставилъ.

— Кормили васъ какъ слѣдуетъ?

Старый котъ потянулъ носомъ воздухъ.

— Какой тамъ кормъ . . . Хозяинъ мой кукурузой, фигами, да помидорами только и жилъ. Какая-же это для нашего брата пища? Да тамъ въ Кампаньѣ порядочный котъ все самъ добудетъ. Тутъ тебѣ и птички, и кузнечикомъ иной разъ закусишь, ну а корову подоятъ, ужъ всегда для кота въ плошку молока нальютъ. Полевые мышки тоже очень деликатная ѣда. Хорошо жилъ. А воздухъ. А кусты ежевики надъ рѣчкой. А лунные вечера на мосту. Совсѣмъ я тамъ дикимъ котомъ сталъ . . .

— Какъ-же вы сюда попали? — спросилъ жадно слушавшій его Бэппо.

— Да такъ. Хозяинъ съ семействомъ на югъ уѣхалъ, думалъ, что я безъ людей пропаду — вотъ и подбросилъ сюда. Да я теперь не жалѣю, Привыкъ. Состарился. Грѣю пузо на солнцѣ и сплю. Во снѣ вотъ Кампанью свою иногда вижу. Чего-же еще?

Бэппо возбужденно ударилъ хвостомъ.

— Во снѣ видишь? Эхъ, ты старикъ!.. А какъ туда добраться въ твою Кампанью?

— Чего проще. До площади Венеціа, гдѣ большой памятникъ съ золотымъ конемъ, два шага,—тутъ сейчасъ за угломъ направо. А тамъ трамвай № 17. Ты цифры разбираешь? Смотри...

Старый котъ нарисовалъ на песокъ лапой „17“.

— Такъ вотъ трамвай бѣжитъ до городскихъ воротъ. Porta Pia — называется. А дальше все прямо и прямо до послѣдней остановки. И тамъ, куда не повернешь, со всѣхъ сторонъ Кампанья эта тебя и обступитъ... Да чтожъ, — вздохнулъ старый котъ, — тебѣ рассказывать. Отсюда, братъ, еще ни одинъ котъ на врлю не вылѣзалъ... Бэппо, прищурившись, покосился загадочно на старика, вытянулъ, словно пружины, заднія лапы и потянулся.

* * *

Однажды утромъ Бэппо сдѣлалъ великое открытіе.

Онъ замѣтилъ, что завѣдующій кошачьей санаторіей упитанный старичекъ, приносившій котамъ пищу, — нерѣдко присаживается на старую плиту, достаетъ изъ мѣшка плетеную бутылку, запрокидываетъ голову и долго-долго, не отрываясь, сосетъ изъ бутылки красное молоко. Со всѣмъ, какъ сапожникъ. Правда, тотъ пилъ больше изъ стакана, но какіе же на форумѣ стаканы.

Продѣлывалъ это старичекъ довольно часто. Бутылка была большая, литра въ два, а дѣла у него было не больше, чѣмъ у котовъ. Какое же это дѣло: принести на форумъ раза два въ день обрѣзки баранины, убрать околѣвшаго отъ старости кота, да сунуть въ мѣшокъ двух-трехъ котятъ для какихъ-нибудь скучающихъ англичанокъ.

Зарывшись въ траву по самые глаза, Бэппо

сталъ слѣдить. Ну вотъ, знакомая исторія. Разговариваетъ самъ съ собой... Развѣ самый худалый котъ станетъ вести себя такъ неприлично? Сапожникъ хоть съ Бэппо разговаривалъ, когда въ бутылкѣ ничего не оставалось. Такъ что-жъ: Бэппо не стѣнка, — онъ умѣлъ вѣжливо слушать, никогда не перебивалъ хозяина и тотъ зналъ, что слова его не на вѣтеръ. А этотъ... Съ самимъ собой! Подумайте!..

Бэппо подкрался ближе и поднялъ уши.

— Да, друзья мои...

— Старичекъ вытеръ газетной бумажкой усы и хлопнулъ себя по колѣнкѣ.

— Благодарите Бога и американскую добрую синьору. И я сытъ и вы сыты... И винишко пью и сапоги новые справилъ. А вамъ чего не достаетъ? Сыты. Солнышко сіяетъ. Заболѣетъ кто — сѣры дамъ въ молокѣ. Издохнетъ — зароемъ... Ты тамъ, чернобурый, не дратья у меня. Ловко. А ну еще его: по усамъ, по усамъ, — вотъ такъ...

Старичекъ покачнулся, перевернулъ пустую бутылку и вылилъ послѣднія темныя капли на траву.

— Пусто. Да, друзья мои... Такого сторожа во всей Италиі не найти. Порядокъ у насъ, чистота...

„Хорошъ порядокъ!“ ухмыльнулся въ травѣ Бэппо. Скомканный мѣшокъ валялся у колонны на землѣ. Два кота влѣзли въ него головами, — видно тамъ еще кой-какія косточки остались. На форумѣ тамъ и сямъ валялись, шевелясь на вѣтру, сальныя бумажки и свертки. Старикъ такъ сегодня ни разу и не

нагнулся: тоже сторожъ называется.

Вдругъ Бэппо снова покосился на брошенный мѣшокъ, изъ котораго торчали безпокойные кошачьи хвосты, — и вздрогнулъ. Въ самомъ дѣлѣ. Вотъ мысль. Да какъ онъ объ этомъ раньше не подумалъ...

Бэппо взволнованно щелкнулъ себя хвостомъ по бокамъ. Не надо никому объ этомъ говорить. Только смѣяться будутъ надъ нимъ. Жирные лежебоки...

Онъ пошелъ медленно вдоль стѣны, чтобъ

В. М. Васнецовъ.

„Балаганы“.

В. М. Васнецовъ.

„Аленушка“.

собраться съ мыслями. Спѣшить некуда, надо все хорошенько обдумать. Передъ закатомъ все равно, вѣдь, этотъ суетливый старичекъ опять притащится на форумъ со своимъ мѣшкомъ, — тогда и можно все порѣшить.

Тамъ, гдѣ отвѣсная стѣна закругляется, вдали отъ большой колонны, подымавшейся на другомъ концѣ форума, — Бэппо остановился. Опять эта художница здѣсь со своей мебелью.

На складномъ стуликѣ передъ растопыреннымъ трехногимъ мольбертомъ сидѣла скромно одѣтая старушка и рисовала кошекъ. Бэппо уже давно занимало, какъ она это дѣлаетъ... Помажетъ, помажетъ, откинется назадъ и смотреть. Потомъ выдавить изъ трубочекъ на дощечку пестрыхъ червячковъ, опять шлепнетъ разъ — другой по холсту. Смотришь: кошка, какъ живая. Даже страшно.

Бэппо не разъ уже ходилъ вокругъ нея, терся у ея ногъ, — никакой ему подачки отъ нея не надо было. Просто такъ — нравилась она ему очень, и работа любопытная. Не то, что заплатки на сапоги ставить, или за котами бумажки убирать.

— Старушка хотѣла было нарисовать и Бэппо.

Правда, красоты въ немъ большой не было: худой, угрюмый... Но онъ ее заинтересовалъ, — выраженіе она какое-то въ немъ находила. Бэппо не дался. Сиди цѣлый часъ, какъ приклеенный, — очень надо... Онъ и двухъ минутъ не могъ усидѣть спокойно въ этомъ каменномъ кошатникѣ.

Думалъ было Бэппо не разъ какъ-нибудь пробраться за ней вверхъ на улицу. Но старушка такъ быстро и незамѣтно исчезала за какой-то дверцей въ стѣнѣ, что объ этомъ и думать не стоило.

Рисуетъ. Зачѣмъ ей столько кошачьихъ портретовъ? Бэппо не зналъ, что всѣ свои картинки она отдаетъ въ мебельныя лавки, а тамъ ихъ выставляютъ въ окнахъ. Забѣжитъ какой-нибудь покупатель купить себѣ дюжину стульевъ для столовой, да заодно и кошачье семейство въ рамѣ купить: пусть въ столовой подъ часами виситъ, Бэппо этого не зналъ.

Не зналъ онъ и того, что старушка этими картинками только и жила; макароны, перчатки вязаныя, комнатку подъ крышей за угломъ, даже селедочныя головки для самихъ кошекъ — все

это кошки ей и добывали. Да и легко ей было съ кошками: не капризничают, сидят смирно, — послѣ обѣда ихъ съ мѣста не сдвинешь. А если портретъ чуть-чуть не удался, имъ все равно. Много онѣ въ этомъ понимаютъ!...

Бэппо потянулъ носомъ крѣпкій скипидарный духъ, потерялся о ножку мольберта и ушелъ маршировать въ кусты. Нечего, нечего пустяками, заниматься... Надо обдумать, надо все обдумать.

* * *

Медленно, словно улитка по заросшей дорожкѣ тянулось время до заката. Но еще за долго до заката весь форумъ облетѣла печальная новость: Бэппо околѣлъ.

Кошачьей колоніи даже неловко стало. Пусть грубиянъ, пусть невѣжда, что-жъ, характеры разные бываютъ. Но, вѣдь, бѣдняга, тосковалъ. Другіе вотъ какъ здѣсь поправляются, шуба — атласомъ, животъ чуть по травѣ не волочится, а этотъ еле къ обѣду носомъ прикасался. Худѣлъ, худѣлъ, — вотъ и дождался.

Самъ председатель пожалѣлъ Бэппо.

— Первый случай у насъ на форумѣ. Не старый, крѣпкій, а вотъ подите-жъ... Достойный былъ котъ, не могъ покориться. А отъ васъ никакого сочувствія. Эхъ вы...

Сказалъ и пошелъ доѣдать оставшуюся послѣ Бэппо баранью кишку.

Бэппо лежалъ у большой колонны. Мухи садились на усы, муравьи ползали по ушамъ, а онъ, вытянувшись палкой и раскинувъ худыя ноги — хоть бы что. Словно не котъ, а выброшенная изъ окна черствая булка.

Коты и кошки разбредились кто куда. Что смотрѣтъ? Придетъ сторожъ и унесетъ. Куда унесетъ? Мяу. Развѣ можно объ этомъ спрашивать?

Старичекъ скоро вернулся. Помахалъ приветливо ручкой художницѣ и сталъ тыкать острымъ концомъ палки въ бумажки: наберетъ стопку и въ мѣшокъ. Ноги, правда, спотыкались, видно въ городѣ опять въ плетеную бутылку подлилъ, а она вотъ почти пустая.

Тыкалъ палкой да тыкалъ и добрался до Бэппо.

— Ага? Готовъ, другъ? Такъ и зналъ: очень ужъ нервный котъ былъ. Ну ладно, полѣзай, милый, въ мѣшокъ. Вотъ такъ. И лапы. И хвостъ. Ишь худой, а какой тяжелый. Полежи вотъ тутъ на травѣ, а мы сейчасъ управимся. И пошелъ подбирать послѣднія бумажки.

Когда старикъ подымался, закрывъ за собой дверцы, по узкимъ ступенькамъ на улицу и споткнулся на выщербленномъ порогѣ — ему показалось, что въ мѣшкѣ за спиной что-то дрогнуло. Конечно, показалось. Иначе и быть не могло.

Кошачій сторожъ постоялъ на панели, переложилъ мѣшокъ и пошелъ въ знакомую тратторію поглотать макаронъ съ мяснымъ соусомъ и помидорной подливкой.

Мѣшокъ положилъ у ногъ подъ столomъ. Закурилъ длинную, какъ дождевой червякъ, сигарку. Если-бы кошачій хвостъ помочить въ скипидаръ и потомъ поджечь, и то такого смраду бы не было... Но старикъ находилъ, что ароматнѣе его сигары и на свѣтѣ нѣтъ.

И вотъ стряхнулъ онъ пепелъ съ колѣней, уронилъ сигару на полъ и, нагнувшись за ней, такъ и ахнулъ: изъ мѣшка вылѣзаетъ дохлый Бэппо... Какое тамъ дохлый, — живой!! Глаза, какъ у тигра, лапу за лапой осторожно вытягиваетъ, и шагъ за шагомъ за ножками столовъ и стульевъ вдоль стѣнки крадется къ дверямъ.

Старикъ протеръ глаза... Что за исторія.

В. М. Васнецовъ.

„Витязъ на распутьи“.

В. М. Васнецовъ.

„Иванъ царевичъ и сѣрый волкъ“.

Это вѣрно ему утромъ такое крѣпкое вино под-
сунули. — Гдѣ-жъ это видано, чтобы околѣвшій
котъ, котораго онъ словно старую негодную
щетку, только что приволокъ въ мѣшкѣ, —
продѣлывалъ такіе фокусы!

Онъ покосился на полъ. Ну, конечно, ника-
кого кота тамъ нѣтъ. Тѣфу, даже въ жаръ
бросило... Вонъ онъ тамъ въ мѣшкѣ лежитъ.
Сторожъ нагнулся и, ухмыляясь, потрогалъ мѣ-
шокъ, да такъ и взвился. Пусто.

Слуга съ макаронами протянулъ было руку
къ столу и остановился. Что это со старикомъ
сегодня? Заболѣлъ, что-ли? А старикъ на улицу,
безъ шапки. Посмотрѣлъ направо, налево, хлоп-
нулъ себя ладонью по колѣну и засвисталъ...

Бэппо въ это время былъ далеко, за угломъ.
По временамъ осторожно осматривался и са-
дился у первыхъ встрѣчныхъ воротъ съ самымъ
невиннымъ видомъ: вотъ мой домъ, я здѣсь
живу десять лѣтъ, и оставьте меня, пожалуйста,
въ покоѣ. Умный былъ котъ. А потомъ дальше.
Вотъ и огромный бѣлый памятникъ съ золотыми
ангелами по бокамъ и пузатымъ конемъ посре-

динѣ. Такъ старый котъ и говорилъ. А вотъ и
скверикъ сбоку. И пустые трамваи, огибая коль-
цомъ ограду, тихо звеня, ползутъ къ конечной
остановкѣ на площади.

Бэппо осмотрѣлся. Тысячи ногъ бѣгутъ во
всѣ стороны, собаки, правда, въ намордникахъ,
но все таки собаки... Улицы во всѣ стороны.
Какъ онъ доберется въ эту самую Кампанью?

И вдругъ надъ крышей трамвая увидалъ онъ
знакомый номеръ, который чертилъ ему пріятель
котъ тамъ на форумѣ на пескѣ: „17“.

Чего-же лучше? Бэппо прижался къ тротту-
ару и прыгнулъ на подножку. Въ вагонѣ ни-
кого. Кондукторъ болтаетъ и машетъ веселой
цвѣточницѣ рукой съ передней площадки, а
сзади у него глазъ нѣту. Чудесно.

Бэппо забился въ уголъ у дверей подъ ска-
мейку, чихнулъ, — очень ужъ тамъ пыльно
было, — и притаился.

Затоптали подметки: широкія, узкія и со-
всѣмъ крохотныя — дѣтскія. Пассажиры заняли
всѣ скамейки и проходы. Звонокъ звякнулъ,
трамвай тронулся. Наконецъ-то!

Кондукторъ протискивался взадъ и впередъ сквозь человѣческую гущу и распѣвалъ на весь вагонъ: „кто еще не бралъ билетовъ, синьоры? — *Avanti!*“

Бэппо молчалъ. Какіе тамъ билеты, и такъ довезутъ. Передъ самымъ его носомъ опустилась на полъ плетеная корзинка, покрытая газетнымъ шуршащимъ листомъ. Бэппо поднялъ ноздри, принюхался: ухъ, какъ пахнетъ... Что тамъ такое можетъ быть подъ газетою?

Конечно, лѣзть носомъ въ чужую корзинку неприлично, но голодный котъ, два часа притворявшийся дохлымъ, имѣетъ-же право быть любопытнымъ. И потомъ онъ былъ такъ скромнень: съѣлъ всего одну сосиску, а тамъ осталось еще пять. Съѣлъ онъ, правда, и вторую, но это ужъ такъ, очень ужъ вкусныя были сосиски.

Ѣхать было удобно: собакъ въ вагонъ не пускали, попалъ онъ первый вагонъ, гдѣ курить запрещали. Если-бы на полу было чуточку мягче, — совсѣмъ было бы хорошо. За стѣнкой рывкали проносившіеся мимо автомобили. У верхняго пассажира спустился къ ногамъ кусокъ теплаго шарфа, и Бэппо преспокойно положилъ на него голову.

Пріѣхали. Вагонъ сразу опустѣлъ. Котъ выглянулъ изъ подъ скамейки: что-же кондукторъ не уходитъ? Но тотъ посмотрѣлъ на свои билеты и соскочилъ съ вагона прямо къ лимонадной будкѣ. Бэппо скользнулъ съ подножки наземъ по другую сторону трамвая.

Новые дома. Пыльная площадь. Груды камней и известки. Ни одной мясной лавки. Пока этотъ окрестный городокъ достроятъ, тутъ съ голодудохнешь... Нѣтъ, здѣсь нечего дѣлать!

А вотъ и шоссе, о которомъ говорилъ ему старый котъ, и шербатая древняя башня на поворотѣ къ рѣчкѣ. Ну все въ порядкѣ.

Жадно обнюхивая каждую травку, ныряя въ сухихъ камышахъ и задирая голову къ оранжевому закату, Бэппо выбрался на бугоръ, оглянулся и замеръ.

Такъ вотъ онѣ какія, эти горы! Ухъ, хорошо... Группа пиній на холмѣ показалась ему цѣлымъ лѣсомъ. Ящерица скользнула по камню подъ самымъ его носомъ, пикады на скрипочкѣ заиграли.. Ну это не съѣдобное. А птицъ сколько.. Мяу-мар-рмелау!

Ну что-жъ, одичать или поискать себѣ уютную крышу? Онъ задумчиво остановился и шевельнулъ хвостомъ.

Ага. Вонъ тамъ у рѣки за горбатымъ старымъ мостомъ... Да вѣдь это, пожалуй, тотъ самый домъ, гдѣ жилъ его пріятель. Конечно. Люди только другіе. Дѣвочка у калитки прыгаетъ, ни одной собаки не видно.. Корова есть... Мяу. Надо обдумать.

Онъ вспрыгнулъ на пенъ, прижалъ уши и блаженно закрылъ глаза: одичать или нѣтъ?

А полевая мышь высунула удивленное рыльце изъ подъ камня и пискнула: „тише вы тамъ, новый котъ появился!“

Вѣтеръ обдувалъ Бэппо со всѣхъ сторонъ. Сосиски бурчали въ животѣ. Онъ свѣсилъ съ пня лапы, лѣниво зѣвнулъ, посмотрѣлъ на домикъ у моста и, засыпая, проворчалъ:

— Завтра рѣшу...

Римъ 1924.

А. Черный.

МАРИНА ЦВѢТАЕВА.

Г Л А З А.

Привычные къ степямъ — глаза,
Привычные къ слезамъ — глаза,
Зеленые — соленые —
Крестьянскіе глаза!

Была бы бабою простой,
Всегда бъ платили за постой —
Все эти же — веселые —
Зеленые глаза.

Была бы бабою простой,
Отъ солнца бъ застилась рукой,
Качала бы, молчала бы,
Потупивши глаза.

Шелъ мимо паренекъ съ лоткомъ...
Спать подъ монашескимъ платкомъ
Смиранные — степенные —
Крестьянскіе глаза.

Привычные къ степямъ — глаза,
Привычные къ слезамъ — глаза...
Что видѣли — не выдадутъ
Крестьянскіе глаза!

Москва, 1918 г.

Н. АНИНЪ.

КЪ ОТЪЪЗДУ Е. Н. РОЩИНОЙ-ИНСАРОВОЙ.

Мы не можемъ не любить театръ. Онъ родился отъ восторга предъ человѣкомъ, предъ глубиной и высотами его духа, его паденіями и возстаніями, его великой многогранностью. Уже царь Давидъ, одинъ изъ величайшихъ знатоковъ человѣческой души, восхищался человѣкомъ.

„О, Господи! — говорилъ онъ въ одномъ изъ своихъ псалмовъ, — Что есть человѣкъ, яко помниши его, или сынъ человѣчъ, яко посѣщаеши его?.. Умалилъ его малымъ чимъ отъ ангель! Славою и честію вѣнчалъ еси его!“

„Единственнымъ предметомъ искусства, — говоритъ гордый и великій Микело-Анджело, — есть и долженъ быть только человѣкъ! Все остальное предъ нимъ ничтожно!..“

Мы знаемъ, что 90% самыхъ гениальнѣйшихъ произведеній скульптуры, живописи и, въ сущности говоря, всей поэзіи и музыки посвящены человѣку.

Но наибольшее свое выраженіе культъ человѣка и человѣческаго получилъ въ театрѣ. Конечно, только потому, что здѣсь вмѣсто красокъ, мрамора, звуковъ музыки, человѣкъ далъ самого себя въ видѣ актера, явившись въ одно и то же время и художникомъ, и тѣмъ матеріаломъ, изъ котораго художникъ „лѣпитъ“, „рисуетъ“, желанный образъ.

Мы мало еще задумывались надъ творчествомъ актера. Мы мало еще проникали въ психику его творчества, въ тайны этого творчества. Мы только восхищались имъ, не отдавая себѣ отчета въ причинахъ самого восхищенія, мы были безконечно благодарны ему за „что-то...“

„Актеру потомство не плететъ вѣнка“, — сказалъ Шиллеръ. Какая правда! И какая великая трагедія! Не потому-ли, что искусство актера мимолетно, что оно начинается и кончается съ каждымъ спектаклемъ, о которомъ остаются только воспоминанія, скоро испаряющіяся, и записи, очень блѣдныя... Ибо, какъ вы расскажете или запишете игру Режанъ, Дузе,

Щепкина, Савиной, Сальвини, Мунэ Сюлли?..

Да, „актеру потомство не плететъ вѣнка“, — не остается слѣдовъ отъ его искусства, которое умираетъ вмѣстѣ съ актеромъ.

Но зато, какіе „вѣнки“ сплетаемъ мы актерамъ во время ихъ жизни! Скажите, кто изъ поэтовъ, живописцевъ, скульпторовъ такъ оплачивается, какъ актеры? Кѣмъ изъ нихъ мы такъ восхищаемся? Кто изъ нихъ можетъ вызвать у насъ такую бурю восторга, такіа слезы, такое умиленіе? Въ экипажъ, кого изъ

нихъ вы впрягались, вмѣсто лошадей? А, вѣдь, мы дѣлали это, конечно, молодежь въ пріѣздъ Дузе въ Россію.

И все потому, что актеръ своимъ искусствомъ вводитъ насъ въ процессъ самого творчества, показывая намъ уже не готовое произведеніе, какъ художникъ кисти и рѣзца, а то, какъ оно дѣлается на нашихъ глазахъ. Этимъ самымъ мы соприкасаемся съ наслажденіемъ творчества и становимся творцами, хоть на часъ.

За это мы любимъ актеровъ. За это, въ частности, мы любимъ Е. Н. Рошину-Инсарову, такъ незамѣтно для насъ самихъ пріобщившую зрителей и свидѣтелей ея талантливой игры къ творчеству ея духа и превращающую насъ, такихъ обыкновенныхъ, въ творцовъ, хотя бы... на одинъ часъ.

23-го ноября она прощалась съ нами, покидая Ригу и отправляясь въ Парижъ...

Е. Н. Рошина-Инсарова, замѣчательная русская актриса, своей игрой вызывала у насъ рой дорогихъ сердцу русскихъ настроеній, переживаній, воспоминаній, надеждъ и грѣзъ. Своей рѣдкой отзывчивостью на всякое благое общественное начинаніе она напоминала намъ, что прежде всего надо быть человѣкомъ. Своимъ творчествомъ она будила въ насъ творческія начала духа, погрязшія въ суетѣ мірской.

Большое русское спасибо артисткѣ! Въ день прощальнаго спектакля она могла убѣдиться, что это не одни только слова.

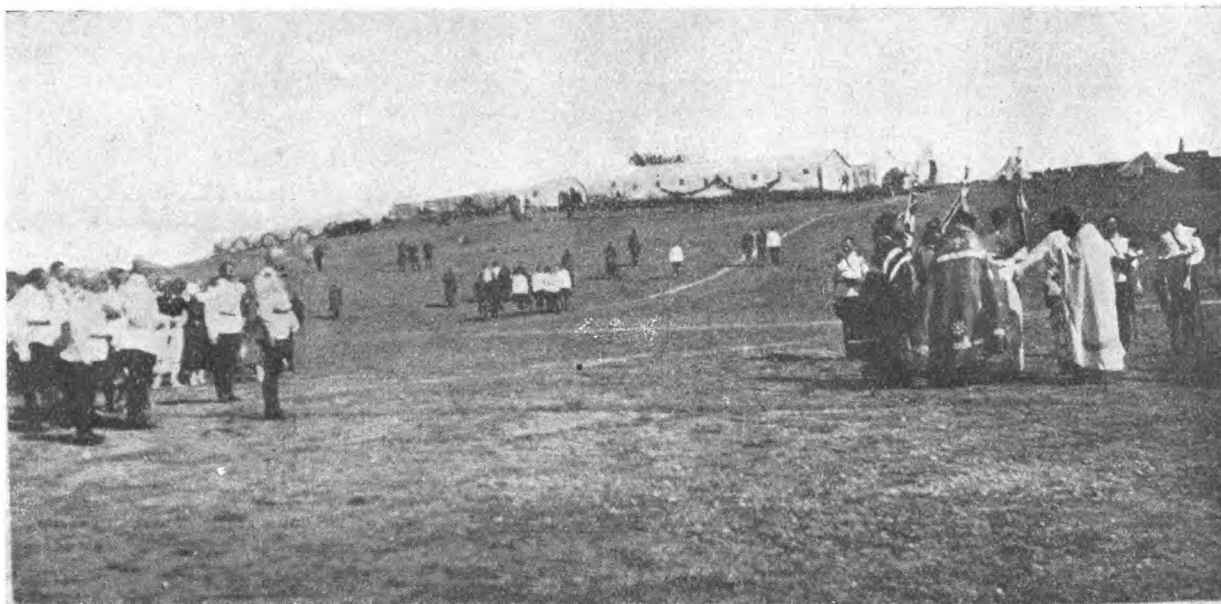
Николай Анинъ.

Е. Н. Рошина-Инсарова.

ПО БЪЛУ СВѢТУ.

ГАЛЛИПОЛИ (1920 — 1925 г.)

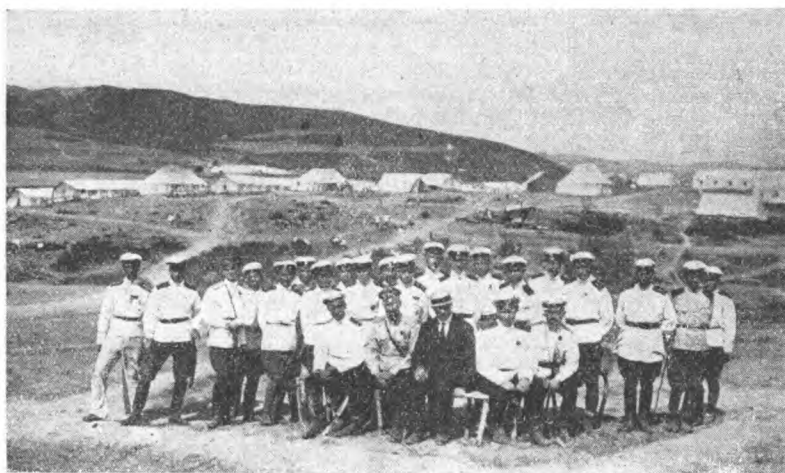
Молебенъ у знаменъ въ лагеряхъ.

ВЪЯЛЪ ВѢТЕРЪ...

Въялъ вѣтеръ отъ Дарданель и Босфора, горячо шуршалъ въ изсохшихъ сѣрыхъ травахъ, когда я бродилъ между галлиполійскихъ крестовъ...

И стояла у этой бѣлой скамьи, у этого солдатскаго сѣраго памятника:

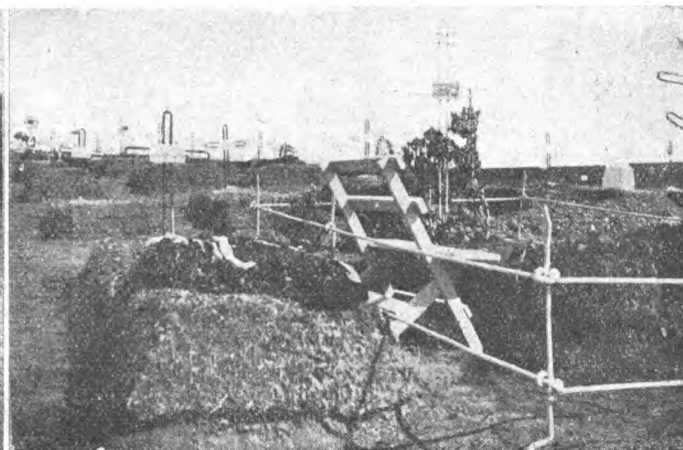
Упокой Господи усопшихъ рабъ
Твоихъ
Имена же ихъ ты, Господи
вѣси...

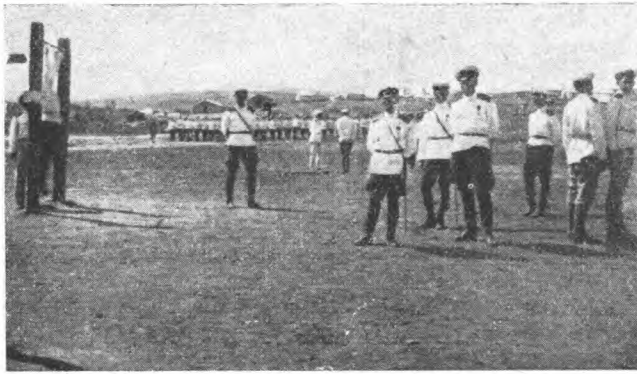
Группа командировъ. (Въ центрѣ ген. А. Кутеповъ и А. Карташевъ).

Офицерскія землянки въ лагерѣ.

Галлиполійское русское кладбище.

Урок гимнастики.

Войсковой театр въ Галлиполи.

Жестяные доски на чугунных крестах — „ефрейтор“, — „солдат“, „поручик“, „юнкер“, — а въ прорѣзахъ крестовъ дрожить отъ зноя синее небо Галлиполи.

Одни спятъ здѣсь, а другіе тамъ, подѣ Джанкоемъ и Кіе-вомъ, у станицъ и подѣ Орломъ, и на откосахъ, у ржавыхъ рельсѣхъ, подѣ Ростовомъ...

Упокой Господи усопшихъ рабѣ Твоихъ...

Обугленныхъ отъ загара суровыхъ, русскихъ солдатъ въ бѣлыхъ гимнастеркахъ, — разметала теперь изъ Галлиполи по всему свѣту.

Мерцаютъ въ бѣдномъ сербскомъ храмѣ бронзовые орлы, львы и копья на свернутыхъ русскихъ знаменахъ.

А въ Галлиполи шуршитъ въ сухихъ травахъ горячій вѣ-теръ и ржавѣютъ чугунные кресты одинокихъ могилъ.

Но во всѣхъ русскихъ душахъ, во всѣхъ странахъ, у всѣхъ народовъ, куда пригнало дикимъ вѣтромъ русскіе листья, — какъ далекій пѣхотный горнь, поетъ имя Гал-липоли:

„Тамъ на раскаленныхъ пескахъ изъ толпы побежден-ныхъ возстала изъ мертвыхъ, точно отъ молніеноснаго удара Господня меча, — непобѣдимая армія.

Она перенесла всѣ поражения, всѣ страданія. Она перенесла ссылку, она перенесетъ изгнаніе“...

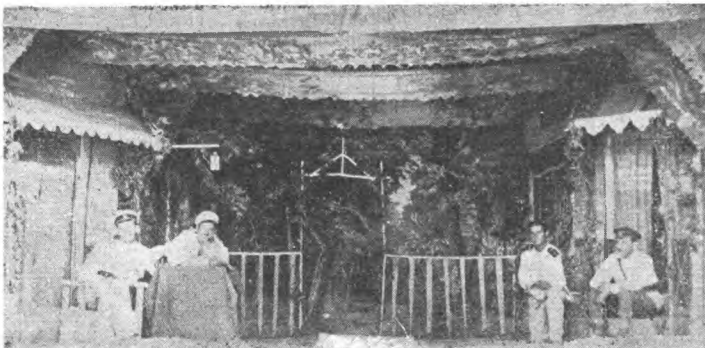
Такъ поетъ далекій горнь въ русскихъ душахъ.

...Вѣялъ вѣтеръ отъ Дарданель и Босфора, горячо шур-шала въ изсохшихъ сѣрыхъ травахъ, когда я бродилъ между галлиполійскихъ крестовъ. —

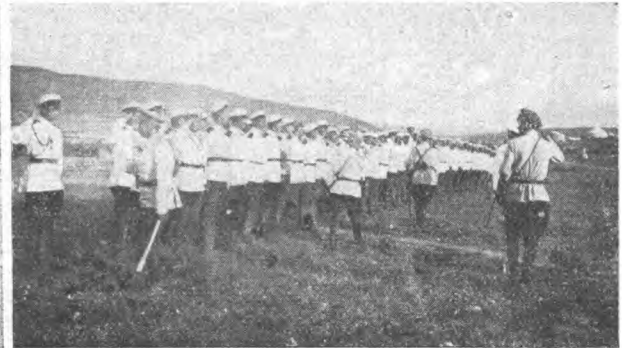
И в. Лукашъ.

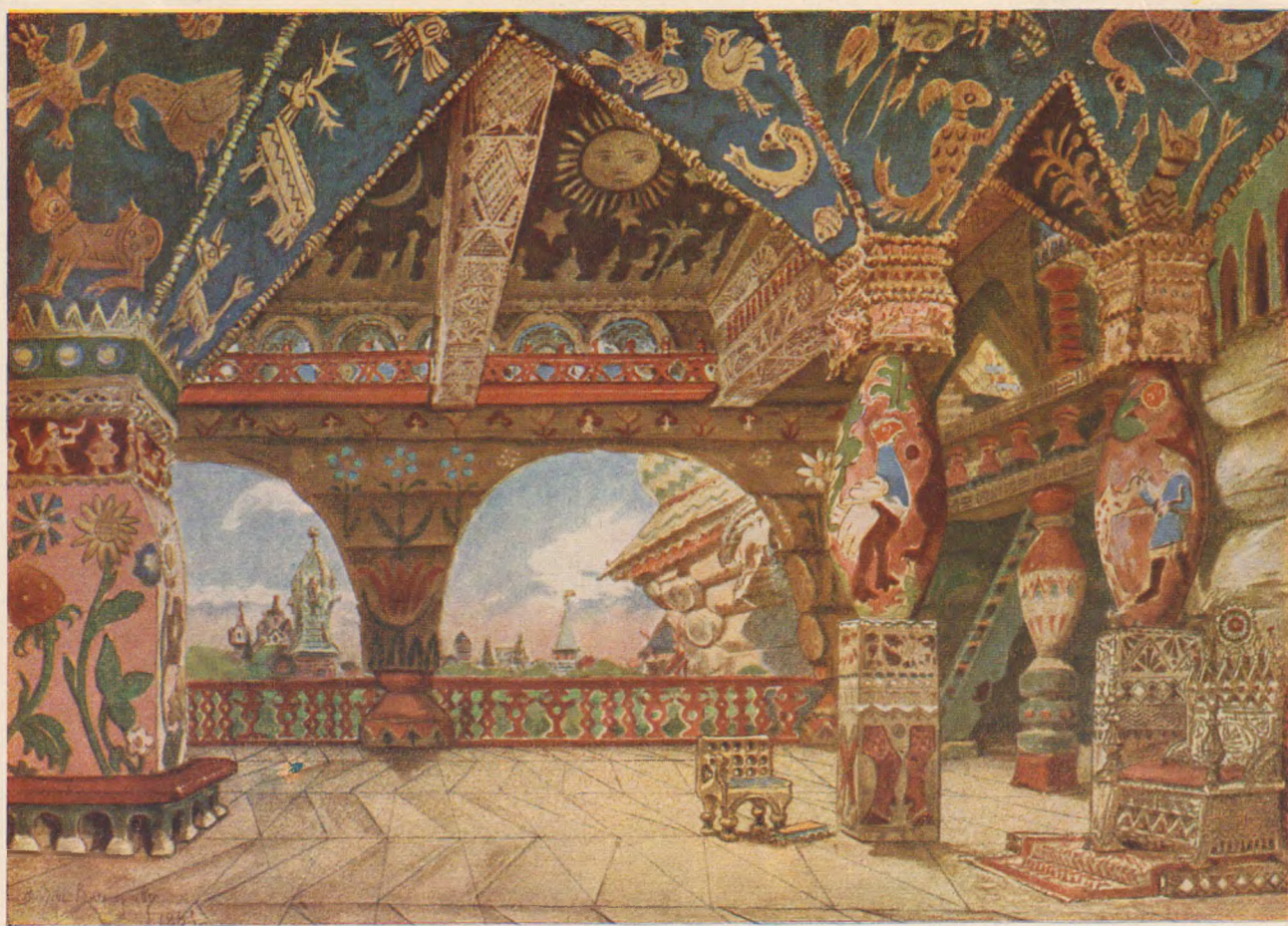
Памятникъ галлиполійцамъ на кладбищѣ.

Полковая церковь.

Ген. Кутеповъ обходитъ фронтъ.

В. М. ВАСНЕЦОВЪ

ЭСКИЗЪ ДЕКорацИИ КЪ ОПЕРѢ „СНѢГУРОЧКА“

КЪ ОСВЯЩЕНІЮ РУССКАГО ХРАМА ВЪ ПРАГѢ.

Нами уже былъ помѣщенъ снимокъ съ русскаго Успенскаго храма, воздвигнутаго на православномъ Ольшанскомъ кладбищѣ въ Прагѣ. Нынѣ нами полученъ снимокъ съ группы участниковъ торжества освященія, состояшагося 22 ноября с. г. и отмѣченнаго присутствіемъ представителей дипломатическихъ миссій славянскихъ государствъ и французскаго посольства въ Прагѣ. Чинъ освященія совершенъ былъ главою русск. правосл. церкви въ Зап. Европѣ митроп. Евлогіемъ въ сослуженіи съ архіеп. Михаиломъ (делегатъ сербск. прав. церкви), пражскимъ епископомъ Сергіемъ и др. По совершении чина и крестнаго хода вокругъ храма были произнесены рѣчи митроп. Евлогіемъ, д-ромъ К. П. Крамаржемъ и академикомъ В. А. Францевымъ.

Освященіе русскаго храма въ Прагѣ.

АТЛАНТИДА.

Года два тому назадъ въ Парижѣ вышелъ нашумѣвшій кинематографическій романъ молодого писателя Пьера Бенуа — „Атлантида“.

„Атлантида“ вновь возбудила интересъ къ вопросу, еще въ древности занимавшему философовъ и географовъ и нашедшему затѣмъ извѣстное освѣщеніе и у средне-вѣковыхъ арабскихъ историковъ и путешественниковъ.

Дѣло въ томъ, что знаменитый философъ Платонъ рассказываетъ въ своихъ діалогахъ „Тимей“ и „Критій“, будто бы нѣкій египетскій жрецъ сообщилъ мудрецу Солону (VI вѣкъ до Р. Хр.), что Атлантидою назывался громадный островъ на Атлантическомъ океанѣ, между Европою и тѣмъ материкомъ, который носилъ у древнихъ названіе „Елисейскихъ полей“ или „острова блаженныхъ“ (нынѣшняя Америка). Онъ былъ обширнѣе Азіи и Ливіи вмѣстѣ взятыхъ. Страшное землетрясеніе заставило его погрузиться въ океанъ. О подобномъ же островѣ упоминаютъ Діодоръ Сицилійскій и Плиній.

Сообщеніе Платона облечено въ форму мифа о „Солнечномъ островѣ“, на которомъ процвѣтало въ отдаленнѣйшія, доисторическія времена могущественное „Государство Солнца“ съ детально развитымъ культомъ бога морскихъ пучинъ Посейдона и могущественною теократіею.

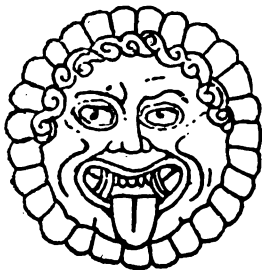
Съ тѣхъ поръ вопросъ объ исчезнувшей Атлантидѣ время отъ времени всплывалъ въ ученомъ мірѣ. Не мало оживленія внесли въ него открытія Христофора Колумба, испанца Пизаро, открытіе культуръ мексиканской, перуанской и др.

Нѣкоторые усматривали остатки погибшей въ волнахъ Атлантиды въ Азорскихъ и Канарскихъ островахъ; другіе принимали за Атлантиду Скандинавскій полуостровъ, третьи острова Исландію и даже Шпицбергенъ... Чаше же повѣствованіе Платона, нерѣдко облакаваго свои сообщенія въ мифологическую форму, отвергалось, какъ басня, какъ измышленіе, не стоящее серьезнаго вниманія...

Между тѣмъ, до послѣдняго времени вопросъ объ Атлантидѣ и ея богатѣйшей цивилизаціи, относившейся, вѣроятно, къ началу бронзоваго вѣка, все-таки тревожилъ наиболѣе пытливыхъ ученыхъ. Удивительное подчасъ совпаденіе опредѣленныхъ культурныхъ достижений во многихъ областяхъ (архитектурѣ, письмѣ, утвари, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, мифахъ и т. п.) у совершенно повидимому ничего между собою общаго не имѣющихъ народовъ, раздѣленныхъ другъ отъ друга огромными, нерѣдко об-

Предполагаемое мѣстонахожденіе Атлантиды

Голова Горгоны, символа водъ морскихъ—налѣво въ изображеніи этрусковъ (Италія) направо—мексиканцевъ (Америка). И въ Европѣ, и въ Америкѣ мотивъ и исполненіе популярной мифологической фигуры — одинаковы.

ширными в о д н ы м и пространствами, навело многих на мысль о необходимости допущенія такого момента въ отдаленномъ прошломъ человѣчества, когда это человѣчество еще не было разъединено географически и этнологически. Чѣмъ, напр., объясняется общность пирамидъ, многихъ культовъ и религиозныхъ эмблемъ и символовъ у египтянъ, мексиканцевъ и перуанцевъ? Или совпаденіе ряда мифологическихъ данныхъ у античныхъ грековъ и японцевъ, послѣдователей религіи шинто? Или удивительное сходство въ названіи явленій и символовъ культа у семитовъ Передней Азіи и тихоокеанскихъ полинезийцевъ?

Такихъ вопросовъ видимо-невидимо. Даже въ области древней Эллады, до послѣднихъ 50 лѣтъ считавшейся самостоятельной по своей культурѣ, новѣйшія раскопки въ Пелопоннесѣ, на Критѣ, Кипрѣ и особенно островахъ Эгейскаго моря установили какъ разъ обратное, раскрыли дѣлающую новую „страну чудесъ“, страну страшно древнюю, опредѣленно доказывающую, что греки, придя въ Элладу, на острова и въ Малую Азію, вездѣ находили очень древнюю и чрезвычайно высокую культуру, отчасти вымиравшую на ихъ глазахъ, отчасти уже успѣвшую умереть.

Все это подтверждаетъ т. наз. теорію переселеній (миграцій), впервые формулированную знаменитымъ нѣмецкимъ ученымъ Ратцелемъ. Новѣйшія изслѣдованія даютъ, можно сказать, ежедневно все новые и новые матеріалы въ этой загадочно увлекательной области.

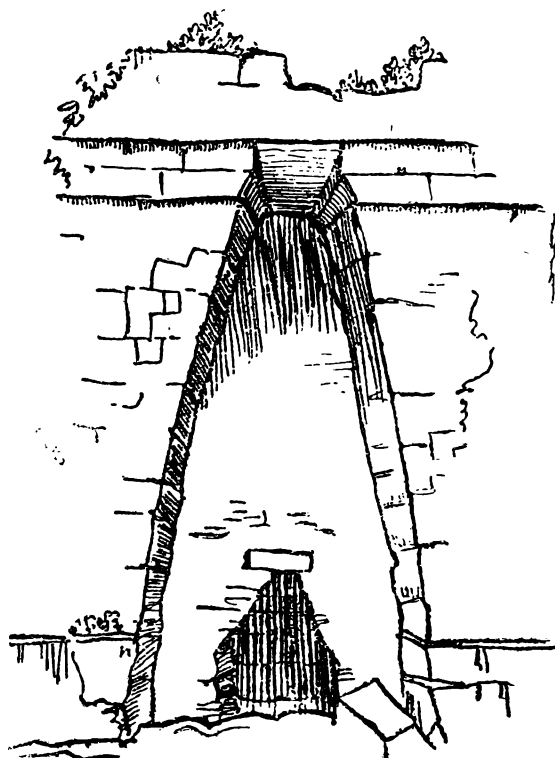
Послѣднимъ словомъ въ этой области является книга французскаго ученаго Рожэ Девиня *), во всеоружіи знанія проливающего свѣтъ на вопросъ объ Атлантидѣ. Для Девиня Атлантида не мифъ, не сказка, а реально существовавшая въ ранній бронзовый вѣкъ страна высокихъ культурныхъ достижений, занимавшая обширный материкъ или часть такового между Европою и Америкою. Авторъ доказываетъ несомнѣнно достоверное существованіе Атлантиды, этого „моста цивилизацій“ между Западомъ и Востокомъ, рядомъ соображеній гео-

графическихъ, историческихъ, геологическихъ, этнологическихъ и др. Въ первой части названной „Господствомъ бронзы“, Девинь приводит массу ошеломляющихъ фактовъ, несомнѣнно устанавливающихъ тѣсную связь между культурами т. наз. средиземноморскими съ одной и мексиканскою и перуанскою съ другой стороны. Нагляднымъ доказательствомъ этой связи служить, между прочимъ, искусство (живопись, ваяніе, зодчество). Въ видѣ примѣра укажемъ на помѣщаемыя здѣсь, заимствованныя изъ книги Девиня иллюстраціи.

Заключительная глава этой пропедевтической части посвящена очерку жреческихъ традицій и организаціи Атлантиды.

Вторая, меньшая, часть книги занята прямо таки художественнымъ воспроизведеніемъ жизни Атлантиды до постигшей ее вулканической катастрофы. Эта часть труда названа „Царствомъ Солнца“. Тутъ рассказывается, между прочимъ, какъ къ Атлантидѣ прибывали разные колонисты древняго міра, какъ они воспринимали здѣсь культурныя достиженія и разносили ихъ по всему бѣлу свѣту.

Заключительная глава, за которой слѣдуетъ обширнѣйшій (и все-таки, приходится сказать, неполный) библиографическій указатель литературы вопроса, посвящена проекту устройства „Международнаго института изслѣдованія Атлантики“, для чего теперь вполне настало время. Идея созданія именно Международнаго института этого рода теперь, когда болѣе, чѣмъ когда-либо жива и жизнеспособна идея всеобщаго братства народовъ, можетъ быть только привѣтствуема.

Развалины въ Паланкѣ (Южн. Америка). Поразительное сходство со знаменитыми Микенскими воротами (въ Пелопоннесѣ, Южн. Греція).

*) Roger Dévine. Un continent disparu: L'Atlantide, sixieme partie au monde, 12-me édit., Paris, G. Cres. 1924, p. XII—249. (Рожэ Девинь, Изчезнувшій материкъ: Атлантида, шестая часть свѣта, 12-е изд., Парижъ. Ж. Крес. 1924).

НИКИТИНЪ.

РУСЬ.

Подъ большимъ шатромъ
Голубыхъ небесъ, —
Вижу — даль степей
Зеленѣтся.

И на граняхъ ихъ,
Выше темныхъ тучъ,
Цѣпи горъ стоятъ
Беликанами.

По степямъ въ моря
Рѣки катятся,
И лежатъ пути
Во всѣ стороны.

Посмотрю на югъ —
Нивы зрѣлыя,
Что камышъ густой,
Тихо движется;

Мурава луговъ
Ковромъ стелется,
Виноградъ въ садахъ
Наливается.

Гляну къ сѣверу —
Тамъ, въ глуши пустынь,
Снѣгъ, что бѣлый пухъ,
Быстро кружится;

Подымаетъ грудь
Море синее,
И горами ледъ
Ходить по морю;

И пожаръ небесъ
Яркимъ заревомъ
Освѣщаетъ мглу
Непроглядную...

Это ты, моя
Русь державная,
Моя родина
Православная!

ОСНОВАНІЕ КІЕВА.

(Лѣтописное сказаніе).

Были три брата: одинъ по имени Кій, другой—Щекъ, а третій—Хоревъ; сестра ихъ звалась Лыбедь. Кій жилъ на горѣ, гдѣ нынѣ спускъ къ Днѣпру—Боричевъ, а Щекъ жилъ на горѣ, которая нынѣ называется Щекавица, а Хоревъ — на третьей горѣ; отъ него она прозвана Хоревица. И основали они городъ во имя старшаго брата, и дали ему имя Кіевъ. Около города былъ громаднѣйшій и темный лѣсъ: они ловили въ немъ звѣрей. Были они мужи весьма мудрые; назывались Полянами; отъ нихъ ведутся поляне въ Кіевѣ и донинѣ. Нѣкоторые, не зная дѣла, говорили, что Кій былъ перевозчикомъ, потому что у Кіева былъ тогда перевозъ черезъ Днѣпръ, а потому и говори-

лось: „на Кіевъ перевозъ“. Если бы Кій былъ перевозчикъ, то не ходилъ бы онъ къ Царьграду. Но Кій княжилъ въ своемъ родѣ и когда приходилъ къ царю въ Византію, то царь оказывалъ ему большую честь, отпуская его съ подарками. Когда онъ, возвращаясь, пришелъ къ Дунаю, полюбилъ это мѣсто и выстроилъ небольшой городокъ, и хотѣлъ поселиться съ родомъ своимъ, но не дали ему близъ живущіе. И теперь еще мѣстные жители называютъ это городище Кіевецъ. Когда же Кій вернулся въ свой горювъ Кіевъ, то тамъ онъ и скончался. И братья его Щекъ и Хоревъ и сестра ихъ Лыбедь тамъ же скончались.

ПѢСНЬ О ВѢЩЕМЪ ОЛЕГѢ

Какъ нынѣ собирается вѣщій
Олегъ

Отмстить неразумнымъ
хозарамъ:

Ихъ села и нивы за буй-
ный набѣгъ

Обрекъ онъ мечамъ и
пожарамъ.

Съ дружиной своей въ
цареградской бронѣ,

Князь по полю ѣдетъ на
вѣрномъ конѣ.

Изъ темнаго лѣса, навстрѣчу ему,

Идетъ вдохновенный кудесникъ,

Покорный Перуну старикъ одному,

Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ,

Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведенный
весь вѣкъ.

И къ мудрому старцу подѣхалъ
Олегъ.

— Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,

Что сбудется въ жизни со мною?

И скоро-ль, на радость сосѣдей-враговъ,

Могильной засыплюсь землею?

Открой мнѣ всю правду, не бойся меня:

Въ награду любого возьмешь ты коня. —

„Волхвы не боятся могучихъ владыкъ,

А княжескій даръ имъ не нуженъ;
Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ

И съ волей небесною друженъ.

Грядущіе годы таятся во мглѣ;

Но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ.

Запомни же нынѣ ты слово мое:

Воителю слава — отрада,

Побѣдой прославлено имя твое,

Твой щитъ на вратахъ Цареграда;

И волны, и суша покорны тебѣ,

Завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ.

И синяго моря обманчивый валъ

Въ часы роковой непогоды,

И пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ

Щадятъ побѣдителя годы...

Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ, —

Незримый хранитель могущему данъ.

Твой конь не боится опасныхъ трудовъ:

Онъ, чуя господскую волю,

То смиренный стоитъ подъ стрѣлами враговъ,

То мчится по бранному полю;

И холодъ, и сѣча ему ничего: —

Но примешь ты смерть отъ коня своего“.

Олегъ усмѣхнулся; однако чело

И взоръ омрачилися думой.

Въ молчаньи, рукой опершись на сѣдло,

Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмый;

И вѣрнаго друга прощальной рукой

...И примешь ты смерть отъ коня своего...

...Прощай мой говариць, мой вѣрный слуга...

...И молвилъ: Спи, другъ одинокій...

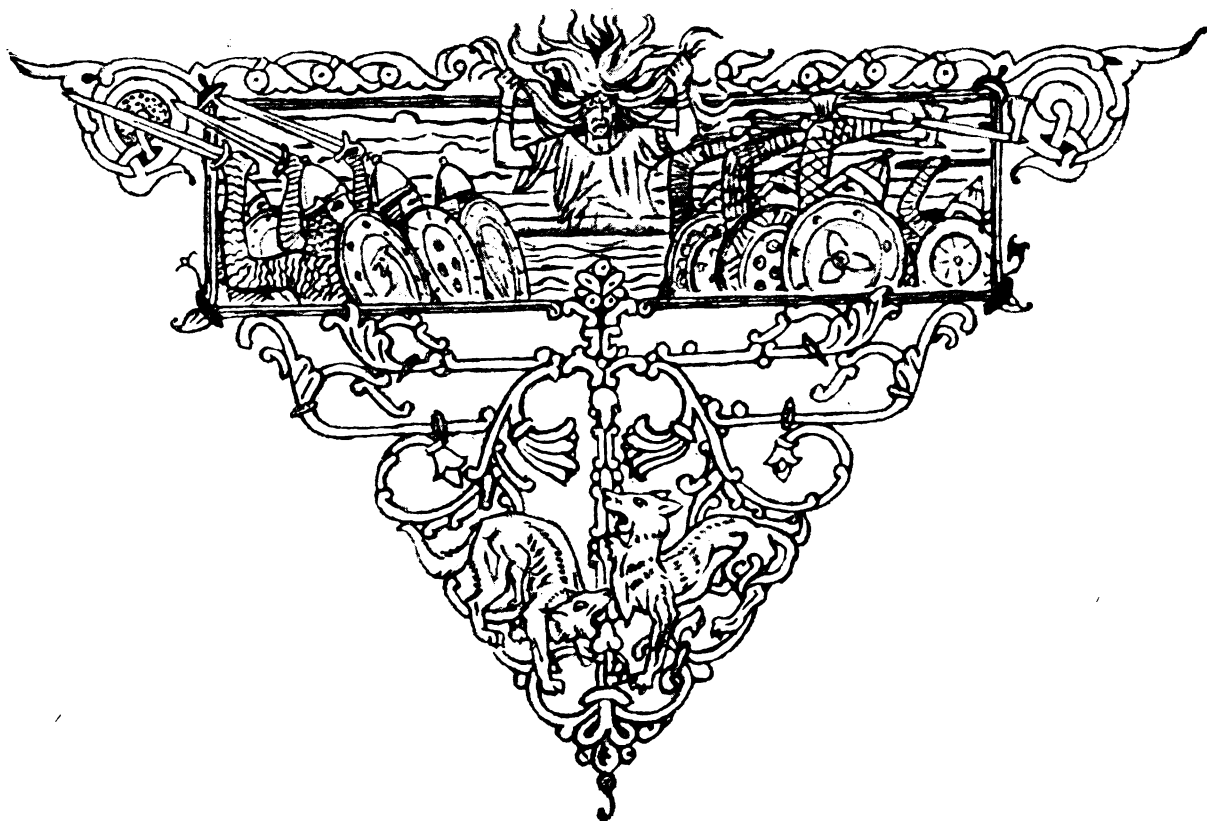
...Бойцы поминають минувшіе дни...

И гладить, и треплеть по шеѣ крутой:
 „Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга,
 Разстаться настало намъ время;
 Теперь отдыхай, — ужъ не ступить нога
 Въ твоѣ позлащенное стремя.
 Прощай, утѣшайся, да помни меня.
 Вы, отроки-друзи, возьмите коня!
 Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ,
 Въ мой лугъ подъ уздцы отведите;
 Купайте, кормите отборнымъ зерномъ,
 Водой ключевою поите“.
 И отроки тотчасъ съ конемъ отошли,
 А князю другого коня подвели.
 Пируетъ съ дружиною вѣщій Олегъ
 При звонѣ веселомъ стакана.
 И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ
 Надъ славной главою кургана...
 Они понимаютъ минувшіе дни
 И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.
 „А гдѣ мой товарищъ, промолвилъ Олегъ:
 Скажите, гдѣ конь мой ретивый?
 Здоровъ-ли? Все также-ль легокъ его бѣгъ?
 Все тотъ же ль онъ бурный, игривый?“
 И внемлетъ отвѣту: — „На холмѣ крутомъ
 Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ“. —
 Могучій Олегъ головою поникъ
 И думаетъ: „что же гаданье?
 Кудесникъ, ты — лживый, безумный старикъ!
 Презрѣть бы твоѣ предсказанье!

Мой конь и донинѣ носилъ бы меня“.
 И хочетъ увидѣть онъ кости коня.
 Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора,
 Съ нимъ Игорь и старые гости,
 И видятъ на холмѣ, у берега Днѣпра,
 Лежатъ благородныя кости;
 Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль,
 И вѣтеръ волнуется надъ ними ковыль.
 Князь тихо на черепъ коня наступилъ
 И молвилъ: „Спи, другъ одинокій!
 Твой старый хозяинъ тебя пережилъ:
 На тризнѣ, уже недалекой,
 Не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь
 И жаркою кровью мой прахъ напоишь!
 Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя:
 Мнѣ смертію кость угрожала!“
 Изъ мертвой главы гробовая змѣя,
 Шипя, между тѣмъ, выползала;
 Какъ черная лента, вокругъ ногъ обвилась, —
 И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь...
 Ковши круговые, запѣнясь, шипятъ
 На тризнѣ плачевной Олега:
 Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ,
 Дружина пируетъ у берега, —
 Бойцы поминаютъ минувшіе дни
 И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

А. С. Пушкинъ.

Иллюстраціи В. М. ВАСНЕЦОВА, изъ изд. Экспед. Заг. Гос. Бум. къ Пушкинскому юбилею (1899 г.).

ПРОГУЛКА ФЕИ.

Фея въ садъ гулять пошла,
Такъ нарядна и свѣтла,
Говорить съ цвѣтами;
Ей цвѣты: Будь съ нами.

Фея, будь, какъ мы, цвѣтокъ,
Развернись, какъ лепестокъ.
Будь рябинкой дикой,
Или павиликой.

Будь анютинымъ глазкомъ,
Или синимъ василькомъ.
Иль еще, малюткой,
Синей незабудкой.

Прилетитъ на лепестокъ
Желтокрылый мотылекъ,
Хоботкомъ коснется,
Фея улыбнется.

Прилетитъ къ тебѣ пчела,
Прожужжить: не бойся зла,
Я лишь пыль собираю,
Медъ готовлю.

Покачнувъ на тынѣ хмель,
Прогудитъ мохнатый шмель:
Ну-ка поцѣлюю
Фею молодую.

А когда придетъ закатъ,
Всѣ цвѣты проговорятъ:
Въ росахъ умываться,
Спать приготовляться.

Фея слушала цвѣты,
Фея нѣжила листы,
Но, сама причуда,
Прочь пошла отсюда.

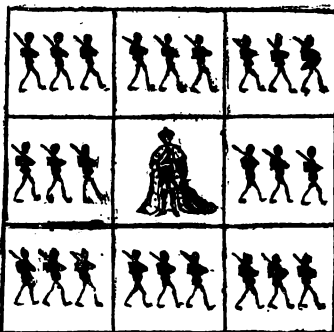
Или я на мотылька
Промѣнаю свѣтлячка?
Не хочу мѣняться. —
И давай смѣяться.

Скрылась въ замокъ подъ листкомъ,
Забавлялась съ Свѣтлякомъ.
Цвѣтикомъ не стала,
Звонко хохотала. К. Бальмонтъ.

КОРОЛЕВСКАЯ СТРАЖА.

ГОЛОВОЛОМКА № 2.

Король, отправившись на охоту, взялъ съ собой стражу изъ 24 человѣкъ. Остановившись на нѣсколько дней въ своемъ охотничьемъ замкѣ, онъ самъ занялъ центральную комнату, а стражу размѣстилъ кругомъ въ 8 комнатахъ по 3 человѣка. При этомъ онъ запретилъ имъ уходить изъ замка или впускать кого-либо, но разрѣшилъ переходить другъ къ другу, изъ комнаты въ комнату, однако съ условіемъ, чтобъ на каждой сторонѣ замка всегда было 9 человѣкъ. Ка-

ждый вечеръ передъ тѣмъ какъ ложиться спать король обходилъ замокъ и всегда находилъ, что его приказъ строго исполняется. Однако солдаты перехитрили короля: въ 1-ую ночь четверо изъ нихъ ушло; во 2-ую они пригласили къ себѣ 4 знакомыхъ; въ 3-ю — 8 человѣкъ; въ 4-ую 12 человѣкъ, а на пятую они никого не пригласили, но зато 6 человѣкъ изъ нихъ ушло. При этомъ все же каждую ночь со всѣхъ сторонъ замка было 9 человѣкъ. Какъ они размѣщались въ комнатахъ?

ВОЛШЕБНЫЙ КВАДРАТЪ.

ГОЛОВОЛОМКА № 3.

1	15	5	12
8	10	4	9
11	6	16	2
14	3	13	7

Прилагаемый квадратъ надо разрѣзать такъ, чтобы составить изъ нихъ вновь квадратъ въ коемъ сумма чиселъ во всѣхъ рядахъ и въ горизонтальномъ и вертикальномъ направленіяхъ должна равняться 34.

ШАРАДА № 3.

Мы перваго должны остерегаться, —
Оно къ бѣдѣ насъ приведетъ;
Конецъ межъ буквъ вамъ можетъ повстрѣ-
чаться;
Безъ цѣлаго никто ѣсть супа не начнетъ.

ОТВѢТЫ: Загадка № 3 — Актеръ.
Загадка № 4 — Огонь.

Слѣдующій номеръ — Рождественскій выходитъ въ двойномъ объемѣ
(№ 7 — 8).

Содержаніе: Стихи: К. Д. Бальмонта, Юр. Галича, О. Далматовой, Марины Цвѣтаевой. Разказы: Бор. Зайцева, В. Изориной, Ив. Лукаша, Вл. Лодыженскаго, С. Р. Минцлова, А. Чернаго, Евг. Н. Чирикова, Ив. Шмелева. Статья: Проф. Н. И. Мишеева. Отдѣлы: „Дѣтскій уголокъ“. „По бѣлу свѣту“. „Искусство“. „Русс. книга“. Изъ области науки, открытій и изобрѣтеній.

Иллюстраціи на темы Рождества Христова и русскихъ святокъ, изъ нихъ 4 въ краскахъ.

Наилучшая англійская пшеничная мука и овсянныя хлопья

„MILLENIUM“

Главное мѣсто продажи у К. А. БУШЪ и П. БАУМАНЪ, Господская ул. 23.

Лучшій Рождественскій подарокъ

остается всегда **знаменитый фарфоръ** остается всегда

ЧАШКИ

ВАЗЫ

Самый большой выборъ у **А. Г. ХАТКЕВИЧЪ**

Сущ. съ 1885 г.

Бл. Песочная ул. № 24, телеф. 66-72

Сущ. съ 1885 г.

Театръ-Варьете

Съ 14 Декабря с. г.

„МАРИНЭ“

послѣдн. недѣля

дир. Ф. Э. Кару.

новаго Revue

„Cherchez la femme“

Сочин. и постан. ИВ. РУДЕНКОВА. Балетныя постановки ЭД. ПЛЕВИЦКАГО.

На экранѣ:

ЭМИЛЬ ЯНИНГСЪ, РЕЙНГОЛЬДЪ ШЮНЦЕЛЬ и ДЭГНИ СЕРВЭ — въ 8-ю актн. др.

„ВСЕ ЗА ДЕНЬГИ“

Изд-во

„ВАЛЬТЕРС и РАПА“

Акц. О-во

РИГА, ТЕАТРАЛЬНАЯ ПЛ. № 11.

Художественные издания и книги по искусству

Альтман, Н. Еврейская Графика. Текст М. Осборна. Нумерованное изд. Стр. 21 + X приложений на отдельных листах. 1923 г.	Ls.	Московский Художественный Театр. 1898—1923. Текст Н. Эфроса. Стр. 432 с многочисл. рис. и цветн. репродукциями. 1924 г.	Ls
Анненков, Ю. Портреты. Текст Е. Замятина, М. Кузмина, М. Бабенчикова. Нумеров. издание. 169 стр. 1922 г.	40.—	Московский Художественный Театр Второй. Стр. 177 с многочисл. иллюстр. в тексте . . .	85.—
Бенуа, Ал. Версаль. Стр. 22+25 рис. на отд. листах. 1922 г.	40.—	Никольский, В. История Русского Искусства: живопись, архитектура, скульптура, декоративное искусство. Стр. 251+23 репрод. на отд. листах	30.—
Вазари, Дж. Жизнеописание наиболее выдающихся живописцев, ваятелей и зодчих эпохи Возрождения, Стр 354. 1923 г.	25.—	Новгородская Икона Св. Феодора Стратилата. Текст П. П. Муратова и А. И. Анисимова. Из серии: „Памятники Древне-Русской Живописи“. 1914 г.	12.—
Ватагин, В. Рисунки в автолитографиях. 20 листов в папке. 1922 г.	12.—	Павлов, И. Провинция. Гравюры на дереве Стр. 40+25 гравюр в тексте +21 на отд. листах 1925 г.	42.—
Вальдгауер, О. Рижская портретная скульптура в Эрмитаже. 110 стр.+40 репродукций. 1923 г.	10.—	Его-же. Уголки Москвы. Гравюры на дереве	21.—
Воронский, А. Об искусстве. Москва 1925 г. Стр. 61	9.40	Пастернак, Л. Рембрандт и еврейство в его творчестве. Стр. 78. Нум. изд. 1923 г. . . .	13.—
Вёрман, К. История искусства всех времен и народов. 3 тома в пер.	1.20	Перезвоны. Ежегод. Литературно - Художеств. журнал. Полные комплекты	12.—
Гнедич, П. История искусства. Зодчество, Живопись, Ваяние. 3 тома с 15 раскраш. табл. и 580 рис. в тексте. В пер.	140.—	Петербург в стихотворениях русских почтов. Стр. 114 с рис. Бенуа, Масютина, Лансере, Лео и др. 1823 г.	14.—
Горе от Ума. В постановке Московского Худож. Театра. 1923 г. В пер.	180.—	Петров-Водкин, К. Самаркандия. Стр. 50+12 рис. 1923 г.	15.—
Григорьев, Б. Voui Voui au Bord de la Mer. Текст С. Маковского и М. Осоргина. Нумеров. изд. Стр. 60 с репрод. на отд. листах. 1924 г. Его-же. Расея. Статьи А. Н. Толстого, А. Шайкевича, А. Бенуа, Б. Григорьева. 1922 г. В роскошном пер	60.—	Пушкин, А. П. Пир во время чумы. Литографии Льва Зака. Худож. нумеров. издание. 1924 г. В пер.	20.—
Добужинский. Рисунки.	24.—	Его-же. Цыганы. Рисунки Л. Ф. Майделя. Статьи В. Л. Модзалевского и А. Е. Щеголева. Стр. 41. Изд. „Комит. Популяриз. Худож. Изд.“ 1924 г.	35.—
Жар-Птица. Ежемес. литерат.-худож. журнал. Комплект с 1—13	140.—	Ренесанс и Барокко. Исследование о сущности и происхождении стиля Барокко в Италии. Г. Вельфлина. Стр. 164+19 рис. +16 табл. на отд. листах	32.—
Искусство Славян. 3 выпуска. 1925 г.	11.—	Русская Икона. Роскошное издание в св. коже с золотым обрезом, работы М. Улеман. Кроме многочисл. репрод. в тексте содержит 23 фотоавтотипии и цветн. воспроизвел. на отд. листах из собраний И. С. Остроухова и С. П. Рябушинского. Том I, стр 205. Изд. 1914 г.	260.—
Кондаков, Н. П. Иконография Богоматери. Связи греческой и русской иконописи с итальянской живописью раннего Возрождения. Стр. 216 +VII с 147 рис. 1910 г. В пер.	25.—	Сокровища Русской Живописи. Альбомъ избранн. картин Третьяковской галлерей. 50 карт. с объяснит. текстом. Изд. И. Е. Лапина въ Париже	120.—
Его-же. Иконография Богоматери. 2 тома с 491 рис. в тексте и 13 цветн. табл. Издание „Отделения Русского Языка и Словесности Имп. Акад. Наук“. 1914 и 1915 гг.	120 —	Сомов, К. А. 33 репродукции на отд. листах в папке. 1916 г.	50.—
Коненков, С. Русское современное искусство в биографиях и характеристиках художников. 1923 г.	9.—	Тройницкий, С. Н. Веера XVI.II века. Стр. 33+22 табл. репродукции, 1923 г. В пер. . . .	13.—
Кубе, А. История фаянса. Стр. 123. 1923 г. . .	7.20	Фалилеев, В. Графическое искусство и гравюра. Очерк Н. Романова. Стр. 83+73 репрод. в тексте и на отд. листах. На французском языке	45.—
Лермонтов, М. Тамара. Гравюры М. Лагормо. Худож. нумер. издание. 1923 г.	48.—	Фарфор, Русский Художественный. Сборник статей о государственном Фарфоровом Заводе под ред. Э. Ф. Голлербаха и М. В. Фармаковского. Стр. 162 +43+13+12 авто-, фото- и хромотипии в тексте и на отдельных листах, 1924 г. В роскошн. пер.	105 —
Лукомский, Г. Киев. Церковная архитектура XI—XIX в. Византийское зодчество. Украинское Барокко. Стр. 54+123 иллюстр. на отд. листах. 1923 г. В пер.	12.—		
Его-же. Русская Старина. Архитект. и прикладное искусство. Стр. 28+108 отд. репродукций. 1923 г.	7.20		
Его-же. Санкт-Петербург. Историч. очерк архитектуры и развития города. Стр. 24+42 отдельных репродукции. 1923 г.	7.20		
Его-же. Царское Село. Описание дворцов. сада и павильонов. Стр. 56+32 отг. репрод. 1923 г.	7.20		

Все вновь выходящие художественные издания и книги по искусству немедленно по выходе поступают на наш склад.

При заказах просим одновременно и соответствующую сумму по адресу: Rīgā (Latvija), Teatra laukumā Nr. 11. Akc.-Sab. „Valters un Rapa“.

Генеральное представительство журнала „ПЕРЕЗВОНЫ“
въ ПОЛЬШѢ

Издательство, Книготорговля и Газетная Экспедиція

„ДОБРО“

Warszawa, Hoża 45-8. Tel. 226-84.

Почтовый адресъ: „Dobro“, Skrzynka 292, Warszawa.

Konto czekowe w P. K. O. Nr. 9668.

принимаетъ подписку на „Перезвоны“ и объявленія.

МѢХА
МѢХОВЫЯ ВЕЩИ
ЗАКАЗЫ * ПЕРЕДѢЛКИ

БРАТЯ ЛИБМАНЪ

Известковая 13.

Единственнымъ Представителемъ журнала

„Перезвоны“

во Франціи и колоніяхъ

является контрагентство

Librairie Hachette

(Messageries de journaux)

III, rue Réamur III, Paris 2^e

Adresse Télégraphique: MESSACHE, PARIS.

Поступилъ въ продажу
иллюстрированный

Русскій

Календарь - справочникъ
на 1926 г.

Цѣна Ls. 1.—

Цѣна Ls. 1.—

Имѣется въ продажѣ во всѣхъ
книжныхъ магазинахъ.

Въ Двинскѣ: у Трейзона и книжн. маг. „Лета“.

Въ Рѣжницѣ: у Колосова и книжн. маг. „Лета“.

Во всѣхъ желѣзнодорожныхъ станціяхъ
„ЛЕТА“.

Календарь высылается по почтѣ по полученіи стоимо-
сти почтовыми марками.

Съ заказами обращаться:

Рига, ул. Вальдемара 17, тел. 46 70

книжн. маг. В. Романовекаго.

А. РАТФЕЛЬДЕРЪ, Сѣдельный мастеръ
бывш. И. Пардумъ, осн. 1875 г.
Рига, Известковая ул. 23. Тел. 61-45.

Дорожные спортивные и военные принадлежности

Постоян. большой выборъ изъ обоб-
мастерской по самымъ умѣрен. цѣнамъ.
Сундуки — чемоданы изъ кожъ и
Амер. Вулкан Фибри
Дорожн сумки, саквояжи и мѣшки.
Портфели Бумажники. Ранцы.
Англ. военные ремни
Гетры — стеки — футболы — бутцы.
Шпоры и петлицы оптомъ и въ роз-
ницу и т. д. и т. д.

Заказы и починки исполняются точно и
аккуратно. Образцовые сундуки ис-
полняются только по мѣрки

— Последняя мода въ дамскихъ сумкахъ —

Генеральное Представительство журнала

„Перезвоны“

въ Болгаріи

Книжная торговля и газетная экспедиція

Н. Алексѣева

СОФІЯ, В. Тырново 17

Оптика

ОКО

РИГА, ASPAZIJAS BULV. 8

Фотографія

А. В. Мухинъ въ Вѣнѣ

Представитель по продажѣ журнала

„Перезвоны“.

Генеральный представитель газеты

„The New York Times“

для Австрии и Балканскихъ государствъ.

Представительство

Русскихъ зарубежныхъ, германскихъ,
итальянскихъ и др. изданій.

Розничная продажа по всей Вѣнѣ.

Пріемъ подписки и объявленій.

СКЛАДЪ КНИГЪ.

A. MUCHIN,

Wien I, Petersplatz, 9 (Hotel Wandl).

Издательство и книжная торговля

„Пламя“

Tchécoslovaquie, Praha II, Ječná ul. 32

Новыя книги:

Проф. Е. Аничков: „Западная литература“	амер. дол.
и Славянство	Цена 0,45
Проф. П. М. Бицкая: „Этюды о русской поэзии“	„ 0,75
О. Виноусенко: „Вино“, „Другая чашка“	„ 0,90
Проф. П. Вальден: „О химии элементов“	„ 0,90
Т. Масарик: „Мировая революция“ (Воспо- минания) Том I	„ 1,00
Ф. Степун: „Из писем прапорщика артиллер.“	„ 0,90
Ахмед Цалмыкаты: „Брат на брата“. Ром. из революционной жизни Кавказа	„ 0,90
„Ковчег“ (Литерат. сборник Союза Русск. Писат. и журн. въ Чехослов. № 1	„ 0,75
„Экономическій сборник“ Книга IV	„ 1,00
„На Чужой Странѣ“. Книга XII	„ 1,20
„Весславянский Календарь“ „Пламя“ III изд.	„ 0,50
„Славянская Книга“ (Библиогр. мѣс.) № 10	„ 0,15

Книжный магазинъ и складъ издательства „Пламя“ располагаетъ огромнымъ асортиментомъ книгъ, изда- ній довоенныхъ, зарубежныхъ, советскихъ и предла- гаетъ комплекты газетъ, журналовъ, литературныхъ сборниковъ, библиографич. справочниковъ и т. п. При магазинѣ имѣется особый отдѣлъ съ полнымъ асортим- ентомъ произвед. русск. и иностранн. композиторовъ, а также отдѣлъ художественныхъ открытокъ, репроду- кцій, пано, портретовъ политич. дѣятелей и писателей.

Каталоги и проспекты высылаются по первому требо- ванию бесплатно.

JAVOL

ОБЩЕПРИЗНАННАЯ

ВОДА ДЛЯ ВОЛОСЪ.

Генеральный представитель **Пров. С. Влумъ,**
Рига, Церковная ул. 31.

Акц. О-во Мебельн. и паркетн. фабрики **«КОМПЛЕКСЪ»**

Улица Свободы 82. Телефонъ 92-67.

Быстрое исполненіе заказовъ по новѣйшимъ рисункамъ какъ своимъ, такъ и спеціальнымъ.
На складѣ: Салоны стиля Ампиръ, Рококо. Столовые, спальни и кабинеты.

Допускается рассрочка.

Chlorodont

Важно для курящихъ.

устраняетъ желтый налетъ на зубахъ отъ
курения.

Любители находятъ, что

СТРЕМЕРСА китайскій цвѣточный чай (этикетъ „Золотой танго-слонъ“)

наивысшій по качеству и превосходный по аромату.